Книгоиздательство „ДЕННИЦА“
подъ редакціей: В. М. Фриче, Л. Вражина,
художника Вас. И. Денисова и А. А. Генжинцева.

В. Фриче.

ПРОЛЕТАРСКАЯ ПОЭЗІЯ.

Москва, типографія Пятницкая ул., № 9.
1918.

Пролетарская поэзія.

Пролетарская поэзія занимаетъ въ обычныхъ руководствахъ по исторіи литературы ничтожное мѣсто. О ней почти не упоминается. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: исторія литературы пишется обычно буржуазными историками для буржуазныхъ читателей. Не послужила до сихъ поръ пролетарская поэзія и темой для спеціальнаго изученія. Предлагаемые вниманію читателя очерки, можетъ быть, до нѣкоторой степени восполнятъ этотъ пробѣлъ.

Пролетарская поэзія.

Пролетарская поэзія занимаетъ въ обычныхъ руководствахъ по исторіи литературы ничтожное мѣсто. О ней почти не упоминается. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: исторія литературы пишется обычно буржуазными историками для буржуазныхъ читателей. Не послужила до сихъ поръ пролетарская поэзія и темой для спеціальнаго изученія. Предлагаемые вниманію читателя очерки, можетъ быть, до нѣкоторой степени восполнятъ этотъ пробѣлъ.

I.

Англія была той страной, которая раньше другихъ вступила на путь капиталистическаго развитія. Здѣсь раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ, образовался рабочій классъ, и здѣсь поэтому колыбель рабочей поэзіи. Въ 30 и 40 г.г. девятнадцатаго столѣтія англійскіе рабочіе находились, какъ извѣстно, въ самыхъ неприглядно-тяжелыхъ условіяхъ, о которыхъ книга Ф. Энгельса „Положеніе рабочаго класса въ Англіи“ даетъ такое потря-

сающее впечатлѣніе. Доведенные до отчаянія страшной эксплоатаціей со стороны капиталистовъ, противъ которой такъ гнѣвно и такъ страстно возмущался Карлейль, и за нимъ цѣлый рядъ писателей разныхъ политическихъ толковъ,—Диккенсъ, Кингслей, миссъ Гаскелль, Дизраэли-Биконсфильдъ,—страдая къ тому же отъ дороговизны хлѣба, вызванной „таксой на хлѣбъ", т. е. пошлиной, которой помѣщики-лэндлорды обложили ввозной хлѣбъ, чтобы выгодно продавать свой собственный, лишенные всякихъ политическихъ правъ, ибо революція 1832 г. продвинула къ власти одну только крупную буржуазію, рабочіе вступили на революціонный путь. Движеніе началось стачками, выросшими постепенно во всеобщую экономическую забастовку, и когда послѣдняя не привела ни къ какимъ результатамъ, рабочіе перешли отъ экономической къ политической борьбѣ. Въ союзѣ съ мелкой буржуазіей они подняли горячую агитацію въ пользу измѣненія избирательной системы во имя всеобщаго избирательнаго права. Уличныя демонстраціи смѣнялись шествіями къ парламенту съ соотвѣтствующими петиціями, а послѣднія перешли подъ вліяніемъ лѣваго крыла движенія въ вооруженное возстаніе, которое было подавлено военной силой въ то самое время, когда и революція на европейскомъ материкѣ (1848) истекала кровью подъ ударами окрѣпшей реакціи.

Къ этой эпохѣ, извѣстной подъ названіемъ эпохи „чартизма“ (такъ называлось, собственно, движеніе въ пользу всеобщаго избирательнаго права), и относится возникновеніе пролетарской поэзіи. Въ эти годы выступаетъ въ Англіи цѣлый рядъ поэтовъ, заслуга которыхъ въ томъ, что они ввели въ поэзію міръ труда съ его страданіемъ и борьбой. Наиболѣе извѣстный изъ нихъ, Томасъ Худъ, былъ, однако, не революціонеръ, а скорѣе филантропъ-человѣколюбецъ. Описывая тяжелую долю рабочаго и работницы, онъ обращался не къ ихъ волѣ, а къ сердцу сильныхъ. Вызвать жалость къ трудящимся—такова была та цѣль, которую онъ преслѣдовалъ. Въ одномъ изъ его сихотвореній (Сонъ леди) богатая дама видитъ во снѣ мрачную картину рабочаго горя и, проснувшись, даетъ себѣ слово относиться впредь къ трудящимся съ чувствомъ христіанской любви. Такъ именно хотѣлъ своими стихотвореніями настроить буржуазію Т. Худъ, и такъ онъ и настраивалъ ее на самомъ дѣлѣ. Его наиболѣе извѣстное, до сихъ поръ незабытое сихотвореніе „Пѣснь о рубашкѣ“, рисующее тяжелую долю швеи, вызвало въ высшихъ слояхъ общества броженіе въ пользу облегченія положенія каторжницъ иглы.

Другіе изъ выступавшихъ въ эти годы соціальныхъ поэтовъ, какъ, напр., Джонсъ, были проникнуты, въ свою очередь, на-

строеніями скорѣе „народническими", чѣмъ пролетарскими. Убѣжденные противники города и промышленности, они звали рабочаго назадъ къ матери землѣ, къ патріархальной тишинѣ лѣсовъ и полей, къ плугу и боронѣ.

Нѣкоторые изъ произведеній этой эпохи хранятъ, однако, огненные слѣды кипѣвшей кругомъ революціи. Въ нихъ явственно бьется то гнѣвное негодованіе, которое жило въ груди англійскаго рабочаго, безпомощно трепетавшаго въ тискахъ экплоатаціи и порабощенія.

Въ своей книгѣ „Положеніе рабочаго класса въ Англіи" Энгельсъ сохранилъ намъ въ переводѣ стихотвореніе неизвѣстнаго поэта, дышащее ненавистью не только къ предпринимателямъ, но и къ машинѣ, въ которой рабочіе тогда такъ часто усматривали главнаго виновника своего рабства.

„Есть на землѣ царь, гнѣвный царь, онъ не вымыселъ поэта, а тиранъ, хорошо извѣстный намъ, бѣлымъ рабамъ; имя ему—паръ. Одна у него рука, но въ ней волшебная сила, губящая милліоны. Эту исполинскую руку направляетъ толпа его жрецовъ, безчеловѣчныхъ и кровожадныхъ, колдовствомъ добывая золото изъ крови. Ради адскаго золота, ихъ кумира, они топчутъ въ грязь права человѣка, муки женщины—для нихъ забава, а слезы мужчинъ вызываютъ у нихъ смѣхъ. Долой же царя-пара, рабочій людъ,

свяжите ему руки. Да низвергнетъ народный гнѣвъ его жрецовъ, блещущихъ золотомъ и пурпуромъ крови!"

Одинъ изъ выступившихъ въ 30-40-хъ годахъ соціальныхъ поэтовъ самъ вышелъ изъ рабочей среды. То Эбинезеръ Элліотъ. Кузнецъ по своей профессіи, онъ принадлежалъ къ умѣренному крылу чартизма. Усматривая главную причину тяжелаго положенія рабочаго класса не въ эксплоатаціи его со стороны предпринимателей, а въ дороговизнѣ хлѣба, онъ стоялъ на той же точкѣ зрѣнія, какъ вызванная къ жизни англійской буржуазіей для борьбы съ помѣщиками-лэндлордами „Лига противъ хлѣбныхъ законовъ". Такъ какъ дороговизна хлѣба удорожила рабочія руки, то буржуазія энергично боролась съ помѣщиками и въ концѣ-концовъ побѣдила. Свои пролетарскія стихотворенія Э. Элліотъ и озаглавилъ: „Пѣсни противъ хлѣбныхъ законовъ". Въ нихъ нѣтъ никакихъ „соціалистическихъ" мотивовъ. Встрѣчаются, напротивъ, довольно поверхностныя и злыя нападки на „коммунистовъ". Зато прелестны картинки изъ рабочей жизни, выдержанные въ идиллическихъ, мирныхъ тонахъ, когда, напримѣръ, жена и сынокъ рабочаго убираютъ въ субботній вечеръ бѣдную квартиру „на славу, какъ дворецъ". Мастеръ рисовать картинки мира и тишины, Э. Элліотъ, „кузнецъ изъ Шеффильда", соз-

далъ, однако, и ту пѣсню, которая стала „марсельезой“ чартистскаго движенія; ту пѣсню, которая увѣковѣчила для потомства весь ужасъ положенія тогдашняго англійскаго рабочаго. Стихотвореніе это, переведенное на русскій языкъ К. Д. Бальмонтомъ, озаглавлено: „Семья англійскаго пролетарія“.

Нарисовавъ потрясающую по своему ужасу картину безысходнаго положенія рабочаго и его семьи (умеръ отъ недоѣданія ребенокъ, дочь пошла, гонимая голодомъ, на улицу, въ довершеніе всего приходитъ полиція и забираетъ за долги весь жалкій скарбъ), поэтъ оставляетъ насъ лицомъ къ лицу съ женой рабочаго--въ отчаяніи душитъ она грудного младенца, и несчастную отправляютъ въ тюрьму.

Передъ судьею смущена
Трепещетъ мать; не скажетъ онъ,
Что сумасшедшая она.
Допросъ не долгъ, конченъ судъ,
Ее на площадь привели;
Шатаясь мужъ стоитъ вдали—
И всѣ на казнь смотрѣть пришли...
Ура, да здравствуетъ Англія...
Да здравствуетъ такса на хлѣбъ...

Это стихотвореніе зналъ наизусть въ годы революціи каждый рабочій чартистъ, и заключительная строфа его звучала среди улич-

ныхъ демонстрацій, въ шумѣ уличныхъ битвъ, какъ грозная рабочая марсельеза.

О, богачи, за васъ законъ,
Голодныхъ вамъ не слышенъ стонъ!
Вашъ взоръ суровъ, вашъ духъ жестокъ,
Вы нищихъ прячете въ острогъ...
Но неизбѣженъ мести часъ...
Рабочій проклинаетъ васъ.
И то проклятье не умретъ,
А перейдетъ изъ рода въ родъ.

Чартистская революція была подавлена, рабочій классъ обузданъ. Его наиболѣе активные и сознательные представители эмигрировали. Открытіе золотыхъ розсыпей въ Калифорніи дало новый толчекъ для мощнаго развитія капитализма. Англійская буржуазія готова итти на уступки рабочимъ, рабочіе со своей стороны готовы довѣриться опекѣ буржуазіи. Въ 60 и 70 г.г. въ Англіи устанавливается „соціальный миръ". Классовая борьба въ общемъ затихаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ временно замираетъ въ Англіи и пролетарская поэзія, чтобы вновь воскреснуть въ 80-хъ г.г.

„Соціальный міръ", которымъ такъ гордилась англійская буржуазія въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, въ восмидесятыхъ и девятидесятыхъ годахъ смѣнилась снова классовой борьбой. Рядомъ со старыми „аристократическими" тредъ-юніонами—про-

фесіональными союзами квалифицированныхъ рабочихъ—становятся болѣе воинственные, болѣе революціонные союзы рядовыхъ пролетаріевъ.

Возникаетъ независимая рабочая партія, готовая вести самостоятельную рабочую политику. Ученіе Маркса находитъ все больше послѣдователей среди демократической интеллигенціи. Возникаетъ „Соціалъ-демократическая федерація", потомъ — умѣренно-соціалистическое „Фабіанское общество".

Въ эти годы обостренія классовой борьбы и зарожденія соціализма вновь воскресаетъ въ Англіи пролетарская поэзія.

На этотъ разъ она нашла представителя въ лицѣ одного изъ крупнѣйшихъ англійскихъ поэтовъ 19-го вѣка, въ лицѣ истиннаго „аристократа духа". То была одна изъ самыхъ блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ пролетаріатомъ. Передъ „четвертымъ сословіемъ", все выше поднимавшимъ свои красные стяги, склонялся съ уваженіемъ, съ готовностью служить ему словомъ и дѣломъ, талантомъ и капиталомъ одинъ изъ даровитѣйшихъ умовъ.

То былъ Уилльямъ Моррисъ.

Человѣкъ богатый, выходецъ изъ буржуазіи, ученикъ эстета Рескина, Моррисъ въ юные годы поставилъ своей задачей сдѣлать жизнь земнымъ раемъ для немногихъ, для „верхнихъ 10,000". Дѣловитую коммер-

ческую ярмарку жизни онъ хотѣлъ превратить въ праздникъ красоты. Долгое время стоялъ онъ во главѣ художественно-промышленной фирмы, изготовлявшей для англійской буржуазіи дорогіе художественные обои, ткани, мебель въ старинномъ вкусѣ. Какъ поэтъ, молодой Моррисъ примыкалъ къ тому теченію литературы, которое извѣстно подъ названіемъ прерафаэлитизма, къ теченію, которое стремилось къ воспроизведенію въ поэзіи въ таинственныхъ тонахъ далекихъ отъ современной жизни сказочныхъ сюжетовъ и образовъ.

Шумѣвшая кругомъ въ восьмидесятыхъ годахъ общественная и классовая борьба пробудила Морриса отъ его красивыхъ сновъ, отъ его мечты о красотѣ для немногихъ. Изъ прерафаэлита онъ превратился въ демократа и соціалиста. Какъ онъ самъ признавался, онъ пришелъ къ соціализму не изъ политическихъ или моральныхъ, а изъ эстетическихъ соображеній. Онъ видѣлъ съ грустью и сожалѣніемъ, что въ современномъ буржуазномъ обществѣ, гдѣ буржуа занятъ сколачиваніемъ прибыли, а рабочіе превращены въ машину, невозможна красота, невозможно истинное искусство. И это тѣмъ болѣе, что, какъ ему казалось, хотя и безъ достаточнаго основанія, при господствѣ фабричнаго машиннаго производства товаровъ на рынокъ, предметовъ дешевыхъ, мас-

совыхъ и безобразныхъ ни у производителя-рабочаго, ни у потребителя не можетъ развиться художественный вкусъ. Чтобы искусство вновь расцвѣло пышнымъ цвѣткомъ, чтобы оно стало народнымъ, т. е. „творимымъ для народа", для этого, по мнѣнію Морриса, необходимо, чтобы, во-первыхъ, фабричное производство вновь уступило мѣсто ремесленному, и, во-вторыхъ, чтобы установилось полное экономическое и соціальное равенство. Въ своемъ романѣ „Вѣсти ниоткуда" онъ и нарисовалъ съ большимъ блескомъ картину будущаго общества, родившагося изъ нѣдръ соціальной революціи, такого общества, гдѣ нѣтъ дѣленія на классы и гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, станокъ вытѣснитъ машину.

Въ видѣніяхъ поэта о будущемъ обществѣ есть много отъ давнишняго прошлаго (возрожденіе ремесла), много такого, что скорѣе воспоминаніе о быломъ, чѣмъ предвидѣніе грядущаго.

Но тотъ же Моррисъ вписалъ свое имя золотыми буквами въ исторію пролетарской поэзіи. Онъ, когда-то „прерафаэлитъ", поэтъ изысканныхъ образовъ и стиховъ, слагатель сказокъ и миѳовъ, сталъ на переломѣ жизни авторомъ „Соціалистическихъ гимновъ".

И эти соціалистическія пѣсни, къ сожалѣнію, не переведенныя, сохранятъ память о

ихъ творцѣ для грядущихъ поколѣній, для которыхъ Моррисъ-соціалистъ будетъ той же гордостью, какой для современныхъ буржуазныхъ поколѣній является Моррисъ-прерафаэлитъ. Мелодичныя, какъ пѣснь, исполненныя страстности, гнѣва и надежды — эти гимны когда-нибудь будутъ помѣщены въ тѣхъ хрестоматіяхъ, по которымъ будутъ знакомиться съ міромъ и духомъ соціалистической культуры. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ пѣсенъ, напримѣръ въ „Рабочемъ маршѣ", явственно слышится гулъ шаговъ и голосовъ манифестирующей толпы, тѣхъ, „кто строитъ дома, ткутъ одежду и собираютъ жатву для другихъ, а сами обречены на нужду и рабство", слышатся „гнѣвъ, надежда и воля" тѣхъ, кто сквозь битвы и бури идетъ къ своему освобожденію, слышится мощная поступь пролетарской рати, чье знамя—„знамя надежды міра". Среди соціалистическихъ гимновъ Морриса наиболѣе извѣстна пѣсня, озаглавленная „Голосъ Труда". Это поистинѣ —рабочая марсельеза. Вся она—страстный протестъ противъ буржуазной проповѣди, обращенной къ рабочимъ: „оставьте надежды и оставьте жалобы, жизнь останется, какой она есть,—юдолью плача и страданій". Вся она—горячій призывъ, обращенный къ тѣмъ, кто сегодня ничто, а завтра станетъ всѣмъ, сплотившись въ желѣзныя когорты во имя борьбы за новый идеалъ.

„Объединимся, пока не поздно, спасеніе только въ насъ самихъ; надеждой окрыленные, свѣтомъ озаренные, побѣдной ратью идемъ мы впередъ. Пусть себялюбы смѣются и шутятъ, ловя наслажденія тревожной душой. Любовью пылая, свою жизнь расточая, готовы бороться за новый мы міръ. Объединимся, пока не поздно. Дыханіе бури горитъ надъ землей, колеблясь, дрожатъ основы вселенной. Но намъ эти бури и радость и свѣтъ!“

Классовая борьба, вспыхнувшая въ Англіи въ восьмидесятыхъ годахъ, ростъ соціализма и воскресеніе пролетарской поэзіи, были отраженіемъ надвигавшагося на страну кризиса, вызваннаго тѣмъ, что ея первенство на міровомъ рынкѣ было подточено. Изъ этого соціальнаго кризиса англійская буржуазія искала выхода въ имперіализмѣ. А имперіализмъ, породивъ въ концѣ 19 и въ началѣ 20-го вѣковъ имперіалистическую поэзію, заглушилъ на время въ Англіи поэзію пролетарскую.

II.

Вслѣдъ за Англіей на путь капиталистическаго развитія вступила Франція: здѣсь уже въ сороковыхъ годахъ рабочій классъ игралъ въ исторіи страны очень видную роль. Въ особенности наглядно это сказалось въ дни февральской революціи 1848 г. Когда парижане — мелкая буржуазія и рабочіе — покончили съ королемъ Людовикомъ-Филип-

помъ и провозгласили республику, было составлено временное провительство, куда вошли и соціалисты и одинъ рабочій. Руководящая роль въ движеніи все больше переходила къ парижскому пролетаріату. Напуганная краснымъ празракомъ соціализма буржуазія двинула противъ рабочихъ войска и въ іюнѣ залила ихъ кровью улицы Парижа. Подобно тому, какъ въ февральской революціи главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ пролетаріатъ, такъ и поэзія февральской революціи носитъ ярко выраженный пролетарскій характеръ. Пѣвцами революціи были сами рабочіе. Ихъ было нѣсколько—Дюпонъ, Леруа, Лепажъ. Обычно они выступали въ рабочихъ кабачкахъ, гдѣ сами распѣвали свои пѣсни, а посѣтители дружно подхватывали припѣвъ. Проникнутая сначала радостными надеждами, эта рабочая лирика послѣ кровавыхъ іюньскихъ дней начинаетъ звучать гнѣвнымъ проклятіемъ по адресу палачей—буржуа.

Первое мѣсто среди этихъ поэтовъ-рабочихъ занимаетъ Пьеръ Дюпонъ.

Сынъ шелкопряда, онъ готовился сначала къ духовному званію, но покинулъ семинарію и сдѣлался рабочимъ. Одаренный большимъ талантомъ, онъ скоро сталъ признаннымъ любимцемъ парижскихъ пролетаріевъ. Одна изъ его пѣсенъ пользовалась особенной извѣстностью и популярностью. И не только

среди рабочихъ, но и среди мѣщанъ. Это была его „Пѣсня о хлѣбѣ". О степени ея популярности свидѣтельствуетъ хотя бы слѣдующій фактъ. Когда въ 1850 г. въ одномъ изъ парижскихъ театровъ была поставлена пьеса, рисовавшая потрясающую картину жизни голодавшихъ ирландскихъ фермеровъ-крестьянъ, то весь театръ, какъ одинъ человѣкъ, запѣлъ пѣсню о хлѣбѣ. На другой день пьесу запретили, но пѣсня Дюпона пережила и черные дни реакціи и самого ея творца и не совсѣмъ забыта въ наше время. Вотъ небольшой ея отрывокъ:

Когда въ бездѣйствіи крыло
У мельницы на берегу,
И съ ношей не идетъ въ село,
А бродитъ осликъ на лугу—
Тогда, какъ волкъ, средь бѣла дня,
Приходитъ голодъ въ каждый домъ.
Все въ воздухѣ полно огня,
Гроза сбирается кругомъ.
  И гнѣвъ голоднаго народа
  Не погасить, тираны, вамъ.
  Вѣдь въ немъ кричитъ сама природа:
  Намъ хлѣба... Хлѣба нужно намъ...
Изъ селъ огромными шагами
Ужъ голодъ въ города идетъ,
Держите-ка его штыками,
Но нѣтъ,—онъ все-таки войдетъ.
До пороха ему нѣтъ дѣла...
Войдетъ онъ въ каждое жилье

И развернетъ на башнѣ смѣло
Онъ знамя черное свое.

И гнѣвъ голоднаго народа
Не погасить, тираны, вамъ:
Вѣдь въ немъ кричитъ сама природа:
Намъ хлѣба... Хлѣба нужно намъ...*)

Въ годы реакціи, послѣдовавшей за революціей 1848 года, въ дни владычества Наполеона III, Дюпонъ подвергся, какъ всѣ революціонеры и соціалисты, гоненіямъ, былъ арестованъ и приговоренъ къ семи годамъ ссылки. Вернувшись на родину, онъ стоялъ въ сторонѣ отъ политической жизни и умеръ въ 1870 году—незадолго до провозглашенія Коммуны—въ крайней нищетѣ.

Въ 1864 году возникло въ Лондонѣ „Международное Товарищество Рабочихъ“ или первый „Интернаціоналъ“, цѣлью котораго было объединеніе рабочихъ всѣхъ странъ для совмѣстной борьбы съ капиталистами всѣхъ странъ. Интернаціоналъ поддерживалъ не только возникавшія въ разныхъ странахъ экономическія стачки, но и революціонныя движенія угнетенныхъ народовъ (ирландцевъ, поляковъ) и порабощенныхъ классовъ. Дѣятельно поддержалъ онъ и образовавшуюся въ 1871 г. въ Парижѣ Коммуну. Когда Коммуна была провозглашена, то пылкая рево-

*) Переводъ Е. С.

люціонная молодежь усмотрѣла въ ней торжество соціальнаго переворота, о которомъ она, по словамъ одного представителя этого поколѣнія, такъ „горячо мечтала въ послѣдніе годы имперіи Наполеона III“. На самомъ дѣлѣ Коммуна была далека отъ соціализма и ни въ обнародованномъ ею манифестѣ, ни въ ея практическихъ мѣропріятіяхъ не было ничего опредѣленно-соціалистическаго. Тѣмъ не менѣе дворянство и буржуазія, обозленныя мужественной защитой коммунаровъ Парижа, осажденнаго германцами, мечтая какъ можно скорѣе заняться своимъ обычнымъ дѣломъ эксплоатаціи своихъ собственныхъ соотечественниковъ, рѣшили покончить съ Коммуной и, восторжествовавъ, разстрѣляли около 20.000 коммунаровъ. По порученію „генеральнаго совѣта“ или центральнаго комитета Интернаціонала, написалъ Марксъ свою извѣстную брошюру „Гражданская война во Франціи“, гдѣ, заклеймивъ гнѣвнымъ словомъ палачей возстанія, въ заключеніе восклицалъ: „Парижъ рабочихъ, Парижъ Коммуны, будетъ жить вѣчно, какъ славный провозвѣстникъ новаго міра“.

Какъ февральская революція 1848 г., такъ Коммуна 1871 г. породила свою поэзію, дышавшую не только революціоннымъ, но и соціалистическимъ духомъ. На ней лежитъ красный отсвѣтъ пролетарской революціи. Среди поэтовъ-коммунаровъ были и интел-

лигенты, какъ Клеманъ и Жуи, было не мало и рабочихъ, разсѣянныхъ по всѣмъ уголкамъ Франціи. Всѣ они забыты, но не забыто одно имя, одна пѣсня. Среди этихъ поэтовъ одинъ пережилъ въ памяти потомства и возстаніе 1871 г. и свою собственную смерть.

Это—*Эженъ Потье.*

Онъ авторъ той пѣсни, которая наряду съ марсельезой стала международнымъ гимномъ и вмѣстѣ съ ней будетъ жить до тѣхъ поръ, пока на землѣ еще не перевелись угнетатели, пока будетъ существовать тѣсная связь между пролетаріями всѣхъ странъ; онъ авторъ той пѣсни, которая соединила въ себѣ революціонный духъ коммуны съ международными устремленіями Интернаціонала. Онъ авторъ той пѣсни, которой завершались всѣ съѣзды второго международнаго объединенія рабочихъ и которая все вновь и вновь раздавалась во всѣ моменты подъема пролетарской борьбы.

Эта пѣсня озаглавлена: „Интернаціоналъ".

Она открывается призывомъ, обращеннымъ къ рабочимъ, мужественно возстать противъ своихъ угнетателей.

Вставай, проклятьемъ заклейменный,
Весь міръ голодныхъ и рабовъ.

Она зоветъ ихъ подчинить своей волѣ и власти жизнь, разрушить старый міръ гнета

и эксплоатаціи и на его мѣсто воздвигнуть свѣтлое царство свободнаго труда.

Мы нашъ, мы новый міръ построимъ:
Кто былъ ничѣмъ, тотъ будетъ всѣмъ.

Жизнь должна принадлежать тѣмъ, кто трудится, а не бездѣльникамъ-паразитамъ.

Лишь мы, работники, всемірной
Великой арміи труда,
Владѣть землей имѣемъ право.

И завершается она выраженіемъ увѣренности, что старый міръ капиталистической эксплоатаціи и буржуазнаго насилія уступитъ мѣсто грядущему царству свободы и равенства, что за пронесшейся грозой снова на безоблачномъ небѣ въ яркомъ блескѣ солнце станетъ—

Сіять огнемъ своихъ лучей.

А каждая строфа этого гимна, звуки котораго раздаются изъ милліоновъ устъ во Франціи и Россіи, Италіи и Голландіи, Испаніи и Германіи, Бельгіи и Скандинавіи, сопровождается припѣвомъ, подчеркивающимъ, что международное объединеніе рабочихъ— вотъ средство не только освобожденія рабочихъ, но и обновленія міра.

„Съ Интернаціоналомъ воспрянетъ родъ
людской“.

И этотъ стихъ никогда, быть можетъ, не имѣлъ такого глубокаго смысла, какъ въ наши дни, когда только возрожденіе международной связи работниковъ можетъ покончить съ войной и упрочить господство демократіи во всѣхъ странахъ міра.

Разгромъ Коммуны нанесъ тяжелый ударъ рабочему движенію во Франціи, подорвавъ вмѣстѣ съ тѣмъ и силы Интернаціонала. Разбитый вторично, французскій пролетаріатъ погрузился въ уныніе и бездѣйствіе.

Но не надолго. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ начинается новый подъемъ рабочей революціи. Отживали, правда, старыя соціальныя ученія. На смѣну имъ родилось новое, многообѣщающее. Жюль Гедъ и Поль Лафаргъ основываютъ рабочую партію Франціи. На своемъ знамени она написала „коллективизмъ"—завоеваніе рабочими орудій производства, какъ средство ихъ освобожденія, какъ путь, ведущій къ соціализму.

Въ 1872 г. собирается съѣздъ въ Марселѣ, и здѣсь большинствомъ голосовъ ученіе Маркса восторжествовало надъ всѣми старыми направленіями, господствовавшими еще недавно въ рабочей средѣ. Однимъ изъ наиболѣе горячихъ сторонниковъ коллективизма выступилъ на съѣздѣ ювелиръ Жанъ Ломбаръ, стяжавшій себѣ извѣстность потомъ, какъ авторъ историческихъ романовъ. А въ 1882 г. на рабочемъ съѣздѣ въ Парижѣ бы-

ло положено основаніе второму Интернаціоналу. Какъ одно изъ средствъ сплоченія рабочихъ всѣхъ странъ, съѣздъ призналъ всеобщее празднованіе перваго мая, а въ слѣдующемъ году пролетарскій праздникъ и былъ отпразднованъ рабочими, какъ Европы, такъ и Америки. Ко дню этого праздника въ Парижѣ вышелъ сборникъ первомайскихъ стиховъ, среди которыхъ имѣются и стихи, написанные основателемъ рабочей партіи, Ж. Гедомъ.

Съ той поры соціалистическое движеніе во Франціи неудержимо росло вширь и вглубь. Рабочій классъ становился во Франціи первостепенной политической силой. Передъ взорами поэтовъ-интеллигентовъ властно вставалъ новый міръ, исполненный бурныхъ порывовъ и боевой энергіи, новый міръ, овѣянный дыханіемъ грядущихъ временъ. И одинъ за другимъ они шли къ нему, отдавая ему свое вдохновеніе, свои мечты и свои стихи.

Подъ сѣнью третьей республики, въ атмосферѣ развившагося рабочаго движенія зарождалась во Франціи новая поэзія—соціальная.

Впервые ея программа была изложена еще въ годъ франко-прусской войны и возстанія Коммуны, въ сборникѣ стихотвореній, принадлежавшихъ перу Э. Манюэлѣ. Ея родоначальникомъ и является Манюэлъ. „Передъ поэзіей стоитъ новая задача"—говорилъ

онъ въ предисловіи къ своимъ стихамъ. „Она обязана стать все болѣе современной, должна стать выраженіемъ идей, чувствъ и страданій демократическаго общества. Нужда, невѣжество, тяжелый трудъ, жизнь, полная униженія, безвѣстный героизмъ, неравенство, всѣ горести и всѣ разочарованія—вотъ тема этой новой поэзіи, богатой яркими образами и потрясающими чувствами, рѣзкой противоположностью свѣта и тѣни, и суровыми поученіями". Эти слова были написаны еще въ 1871 году, а по мѣрѣ того, какъ росло рабочее движеніе, все множились эти манифесты демократической поэзіи. „Поэтъ—говорилъ одинъ изъ ея ратоборцевъ—представитель народа въ царствѣ красоты. Его доля—возвышать своими пѣснями душу своихъ братьевъ. Глубокое сознаніе своихъ соціальныхъ обязанностей—вотъ основа поэзіи, одновременно и личной, и соціальной". „Поэзія—восклицалъ другой представитель этого теченія—должна отражать идеи и стремленія нашего времени. Народъ жаждетъ справедливости, умственнаго развитія и знаній... Этотъ идеалъ нетрудно осуществить и онъ настолько прекрасенъ, что способенъ увлечь и поэта".

Такихъ манифестовъ становилось съ теченіемъ времени все больше, свидѣтельствуя о томъ, что поднимавшійся рабочій классъ укрѣплялъ свои позиціи не только въ области политической жизни, но и въ царствѣ духов-

ной культуры. Отворачиваясь отъ господствующей буржуазіи, порывая съ традиціями и требованіями буржуазной литературы, цѣлый сонмъ поэтовъ принялся съ увлеченіемъ и самоотверженіемъ строить свѣтлый дворецъ пролетарской поэзіи. Одно перечисленіе этихъ поэтовъ потребовало бы слишкомъ много мѣста. Имя имъ—легіонъ.

Буржуазная публика и критика старательно замалчивали это возстаніе поэтовъ противъ буржуазнаго міра и дѣлали видъ, что существуетъ только офиціальная поэзія продавшихся капиталу художниковъ слова.

Но все громче и все побѣдоноснѣе раздавались голоса пѣвцовъ народа. Въ славословія въ честь существующаго строя они бросали свой гнѣвъ и свою страсть, нотки непримиримой вражды и угрозы неизбѣжнаго возстанія. Они писали ни перомъ, а бичемъ, воспѣвали не праздникъ жизни, а борьбу классовъ. Пѣсни о радости и счастьѣ они откладывали до побѣды соціальной революціи. Всѣ они были готовы повторить стихи одного изъ своихъ крупнѣйшихъ товарищей по перу и убѣжденіямъ, поэта съ большимъ талантомъ, Кловиса Гюга: „Лишь въ тотъ день, когда народъ мощными руками воздвигнетъ повсюду мастерскую свободнаго труда, когда святая справедливость и вѣчное право сплетутъ для его чела гирлянду изъ звѣздъ—моя мстительная муза, похожая на дѣвушку-работ-

ницу, одѣнется въ сверкающія ткани, сломитъ свой мѣдный бичъ о согнутое колѣно и съ распущенными волосами, съ блестящимъ взоромъ и яснымъ челомъ будетъ плясать съ гражданами Карманьолу подъ небомъ, гдѣ порхаютъ такія же вольныя птицы" [1]).

Нѣтъ возможности остановиться не только на всѣхъ этихъ поэтахъ, считавшихъ и считающихъ себя „представителями народа въ царствѣ красоты", но хотя бы даже только на тѣхъ, лучшія стихотворенія которыхъ вошли въ хрестоматію (антологію), вышедшую въ свѣтъ за нѣсколько лѣтъ до войны. Въ этихъ стихотвореніяхъ изображена доля всѣхъ видовъ физическаго труда: землепашецъ-батракъ и углекопъ, булочникъ и грузчикъ, рабочіе и работницы—вотъ герои этой поэзіи. Недавно еще разбитая и побѣжденная (послѣ разгрома Коммуны), подавленная и несознательная, рабочая масса теперь вновь пробуждается. Такъ въ одномъ стихотвореніи талантливаго Мориса Маграона восклицаетъ: „Нѣтъ у насъ больше вѣры, которая примиряла бы насъ съ нашей рабской долей. Не нужно намъ загробнаго блаженства, о которомъ толкуютъ попы. Мы хотимъ счастья земного, хлѣба, взращеннаго нашимъ

[1]) Карманьола—сопровождавшаяся пляской пѣсня революціонной демократіи (якобинцевъ-санкюлотовъ) восемнадцатаго вѣка.

трудомъ и терпѣніемъ. Мы требуемъ себѣ мѣста на пиршествѣ жизни. Мы хотимъ пользоваться свѣтомъ дня, хотимъ мечтать и пѣть вмѣстѣ съ нашими братьями. Мы требуемъ нашей доли счастья и нашей доли любви". Обращая свои сжатыя въ кулакъ руки къ гигантскому городу, они говорятъ: „Твои стѣны построены нашими руками, наша жизнь течетъ въ твоихъ жилахъ и съ соборовъ твоихъ капаетъ наша кровь". Настанетъ часъ и рабы возстанутъ. Падетъ въ прахъ городъ насилія и гнета—старый міръ вѣковой неправды. А изъ развалинъ расцвѣтетъ новая жизнь—свободная и свѣтлая. „Въ весеннее утро изъ-подъ обломковъ прошлаго выростутъ побѣги молодыхъ деревьевъ, и, качая своихъ малютокъ, матери увидятъ, какъ въ ихъ глазкахъ отразятся стѣны и башни грядущаго града".

И по мѣрѣ того, какъ крѣпло во Франціи соціалистическое движеніе, проникалась и эта новая демократическая поэзія увѣренностью въ возможности и неизбѣжности осуществленія соціализма. Когда въ Парижѣ въ одномъ изъ рабочихъ предмѣстій былъ открытъ „народный дворецъ", то поэтъ Грегъ прочелъ передъ собравшимися стихотвореніе, призывая ихъ превратить всю страну и всю вселенную въ такой всеобъемлющій дворецъ труда, равенства и мира. „Построимъ его на началахъ любви, ненавидящей ненависть. Будемъ

работать, а если нужно, умремъ; пока вся земля не станетъ такимъ народнымъ дворцомъ, земля, навсегда свободная подъ покровомъ голубого неба, на которой обнимутся, какъ братья, тѣ, кто недавно воевалъ,—такимъ народнымъ дворцомъ, гдѣ не будетъ мѣста ни ложнымъ богамъ, ни нищетѣ на войнѣ".

Между тѣмъ, какъ большинство строителей дворца пролетарской поэзіи были поэты-интеллигенты, въ послѣдніе годы во Франціи поэтами выступали все чаще и рабочіе. Соціальная поэзія становилась въ полномъ смыслѣ слова поэзіей пролетарской. Уже подготовлялся къ печати сборникъ такихъ стихотвореній, авторами которыхъ были рабочіе.

И вдругъ все это многообѣщающее движеніе остановилось.

Началась война.

Во Франціи былъ объявленъ „соціальный миръ".

Рабочій классъ подчинилъ свои цѣли цѣлямъ „націи". Соціальная поэзія смѣнилась ура-патріотической поэзіей на заказъ.

Но миновала уже и эта полоса. На нашихъ глазахъ—подъ вліяніемъ не только войны, но и русской революціи,—снова пробуждается и во Франціи классовая борьба, расчищая путь для грядущаго торжества пролетарской поэзіи.

III.

Въ Германіи возникновеніе пролетарской поэзіи относится ко времени буржуазной революціи 1848 г.

Въ Германіи до этой эпохи господствовало самодержавіе.

Начавшись на югѣ, революція въ мартѣ докатила свои волны до Берлина, и какъ улицы Парижа, такъ теперь улицы Берлина покрылись баррикадами. Какъ и въ дни февральской революціи въ Парижѣ, такъ теперь, въ мартовскіе дни въ Берлинѣ, главными борцами выступили рабочіе, особенно рабочіе машино-строительнаго завода, и только среди нихъ и были убитые. На другой день послѣ побѣды революціи къ королевскому замку подошла огромная толпа народа, неся впереди гробы съ убитыми рабочими, и потребовала короля. Король вышелъ на балконъ блѣдный и растерянный. „Шляпу долой"—раздались отовсюду крики. И недавній самодержецъ отдалъ павшимъ за свободу земной поклонъ.

Это было высшее торжество революціи. Испугавшись народнаго движенія, буржуазія вступила въ торгъ со старой властью и съ земледѣльческимъ классомъ и въ итогѣ этихъ переговоровъ, этой малодушной сдѣлки и явилась та уродливая конституція въ интересахъ дворянства, короля и буржуазіи, безъ отвѣтственнаго министерства, которая

благополучно просуществовала до войны и которая нынѣ доживаетъ свои послѣдніе дни.

Мартовская революція и ея главный герой рабочій классъ—нашли своего пѣвца въ лицѣ Фрейлиграта. Раньше романтикъ, гордившійся тѣмъ, что онъ стоитъ выше партій, что онъ жрецъ „чистаго искусства“, Фрейлигратъ всей душой ушелъ въ движеніе и вступилъ въ ряды крайней партіи, партіи коммунистовъ, или соціалъ-демократовъ, для которой Марксъ и Энгельсъ написали свой „Коммунистическій манифестъ“.

Восторженно привѣтствовалъ поэтъ въ въ одномъ изъ первыхъ своихъ стихотвореній въ новомъ революціонномъ стилѣ „славный февраль“ 1848 года, выражая надежду,— на самомъ дѣлѣ и оправдавшуюся, — что вслѣдъ за возставшимъ Парижемъ поднимется Италія, поднимется Венгрія и что, разъ придя въ движеніе, лавина уже не остановится, а докатится и до Берлина.

Какъ Марксъ и Энгельсъ, Фрейлигратъ былъ убѣжденъ, что если революція вспыхнетъ въ Германіи, то на своихъ плечахъ ее вынесутъ рабочіе и что пролетаріатъ призванъ не только заново перестроить государство, но и обновить міръ новымъ ученіемъ— соціализмомъ.

Это свое убѣжденіе поэтъ образно выразилъ въ стихотвореніи, озаглавленномъ „Снизу вверхъ“.

По рѣкѣ Рейну плыветъ пароходъ, на палубѣ—самъ король, символъ стараго міра насилія, а въ машинномъ отдѣленіи, во мракѣ и духотѣ, стоитъ молодой рабочій-кочегаръ и думаетъ крѣпкую думу. Въ его рукахъ не только пароходъ, но и все государство, не только судьба короля, но и судьба міра.

Король!
Подвластенъ мнѣ клокочущій вулканъ,
Гдѣ на вершинѣ твой воздвигнутъ тронъ;
Одинъ ударъ и зданья больше нѣтъ,
Гдѣ ты вершиной былъ такъ много лѣтъ.
Взлетѣлъ на воздухъ ты,—изъ тьмы жъ
могильной
Идетъ на свѣтъ пролетаріатъ всесильный
И государство заново куетъ.
И слышенъ радостно-побѣдный крикъ:
Несу спасителя я въ этотъ мигъ,
Учителя прекрасной жизни новой,
Какъ Христофоръ святой,—
Я тотъ, кто сквозь мятежный міръ
Несетъ освобожденный духъ на пиръ!

Но безплодна была побѣда рабочихъ. Буржуазія предала дѣло свободы. Возмущенный ея позорной сдѣлкой съ силами стараго порядка, поэтъ направилъ противъ нея гнѣвное стихотвореніе, озаглавивъ его „Мертвые—живымъ“.

Лежа подъ холодной землей, убитые на баррикадахъ рабочіе вспоминаютъ недавніе

дни торжества революціи, вспоминаютъ, какъ на балконъ вышелъ король и какъ онъ обнажилъ передъ ними голову. И что же? Прошло всего три мѣсяца и „все, что мы добыли нашими руками, вы малодушно предали“. И все-таки мертвые не теряютъ надежды. Не можетъ же быть, чтобы въ живыхъ угасъ огонь гражданской гордости, не можетъ же быть, чтобы въ нихъ потухъ—*гнѣвъ*, нѣтъ, онъ только притаился и ждетъ, чтобы снова проявиться: изъ его пламени и родится новая революція.

Гнѣвъ вызоветъ ее... Теперь онъ только
ждетъ.
Но наступитъ часъ,—
Тогда онъ станетъ грозный и прекрасный
И выкинетъ на баррикадѣ флагъ свой
красный,
И съ краснымъ знаменемъ пойдетъ
предъ войскомъ онъ.
Огонь охватитъ тронъ. А духъ свободный
Построитъ жизнь на волѣ всенародной.

Революція 1848 года была подавлена.

Правительство принялось вырывать изъ почвы ея послѣдніе корни. Преслѣдованію подвергались въ особенности крайніе. Была закрыта „Рейнская газета“, издававшаяся при ближайшемъ участіи Маркса. Фрейлигратъ посвятилъ трогательно-мужественное

стихотвореніе ей—смѣлой мятежницѣ, павшей на полѣ битвы съ гордымъ кличемъ:

„Да здравствуетъ революція“.

Вмѣстѣ съ Марксомъ и Энгельсомъ, Фрейлиггратъ эмигрировалъ въ Лондонъ, и здѣсь, гдѣ Марксъ въ тиши эмигрантскаго кабинета обдумывалъ свой трудъ „Капиталъ“, поэтъ сложилъ гимнъ всѣмъ трудящимся, пахарю и рабочему, и интеллигенту, всѣмъ, призваннымъ сокрушить господство капитала и создать на землѣ свѣтлое царство свободнаго труда.

И хотя революція 1848 года и была повсюду подавлена, какъ Марксъ, такъ и Фрейлиггратъ не переставали вѣрить въ ея конечное торжество.

Эту свою вѣру въ дѣло свободы и равенства поэтъ выразилъ въ стихотвореніи „Революція“.

Пусть ее разстрѣляли на улицахъ городовъ, пусть ее сослали въ ссылку и заперли въ тюрьму, — она не умерла, она только ушла.

Настанетъ время и она снова подниметъ надъ міромъ свой красный флагъ.

Да и можно-ли убить ее, которой „уготованъ пріютъ въ каждой смѣло мыслящей головѣ, въ каждомъ честно чувствующемъ сердцѣ, въ каждой хатѣ, гдѣ раздается стонъ, и въ каждой мастерской, гдѣ слышенъ громъ молотовъ“, развѣ можно убить ее, которая

есть „дыханіе человѣчества“, рвущагося къ свободѣ изъ тьмы порабощенія и нищеты.

Настанетъ часъ и, водружая снова свое знамя на разрушенныхъ дворцахъ, на разсыпавшихся тронахъ, она огласитъ вселенную своимъ побѣднымъ кличемъ:

„Я была, я есмь, я вѣчно буду“.

Несмотря на то, что революція 1848 г. не кончилась въ Германіи полной побѣдой буржуазіи надъ старымъ монархическимъ и дворянскимъ строемъ жизни, страна шла неуклонно и быстро по пути развитія капитализма, сметавшаго послѣдніе остатки недавно господствовавшаго ремесленнаго (мелкобуржуазнаго) быта. А вмѣстѣ съ промышленностью росло и крѣпло рабочее движеніе. Ученіе Маркса и дѣятельность Лассаля сплачивали ряды пролетаріата. Въ 1875 г. на съѣздѣ въ Готѣ послѣдователи Лассаля и послѣдователи Маркса соединились въ единую соціалъ-демократическую партію. Испугавшись появленія на политической аренѣ новаго бойца, Бисмаркъ три года спустя издалъ знаменитый „законъ о соціалистахъ“, временно разгромившій соціалъ-демократію и заставившій ее перейти на нелегальное положеніе. Но безплоденъ былъ этотъ шагъ. Закаленная въ испытаніяхъ партія рабочаго класса вышла изъ гоненій еще болѣе сильной и многочисленной. Въ 80-хъ годахъ вся германская жизнь находилась подъ знакомъ

соціализма. Даже молодой императоръ Вильгельмъ II поспѣшилъ стать подъ красно знамя. Въ 1890 году онъ издаетъ свои из вѣстные указы, гдѣ возлагаетъ на государ ство обязанность улучшить матеріальное по ложеніе рабочихъ и всемѣрно заботиться о ихъ духовномъ преуспѣяніи.

Если въ эти годы даже власть шла на встрѣчу пролетаріату, то тѣмъ болѣе есте ственно интеллигенція—этотъ промежуточны слой, чрезвычайно воспріимчивый и впеча тлительный (хотя и весьма неустойчивый Началось настоящее „хожденіе въ народъ Офицеры снимали мундиръ, священник рясу, студенты покидали душныя аудитор и всѣ шли туда, внизъ, куда повелительн ихъ звалъ голосъ исторіи и голосъ совѣст Въ литературныхъ произведеніяхъ этой эпо то и дѣло мелькаютъ фигуры интеллигентов порывающихъ съ дворянской или буржуазн средой, и идущихъ служить рабочему класс А вѣдь литература—зеркало жизни. Ка нѣмецкая жизнь, такъ и нѣмецкая литерату конца минувшаго вѣка находилась по знакомъ соціализма. Нѣтъ числа произве ніямъ, которыя изображали въ томъ и иномъ освѣщеніи соціальный вопросъ, бы трудящихся массъ, борьбу труда и капита Крупнѣйшій поэтъ эпохи, Гауптманъ, создае свою драму „Ткачи", картину голода и стр даній силезскихъ ткачей-ремесленниковъ

роковыхъ годовъ, картину, завершающуюся ихъ возстаніемъ, подавляемымъ военной силой.

Неудивительно при такихъ условіяхъ, что и поэзія этой эпохи была въ значительной степени во многихъ своихъ крупныхъ произведеніяхъ насыщена соціальнымъ, революціоннымъ и соціалистическимъ духомъ. Стихотворенія К. Геккеля, М. Ф. Штерна, Демеля, Б. Вилле и другихъ, менѣе видныхъ лириковъ, была какъ бы той боевой мелодіей, которая сопровождала побѣдоносное развитіе рабочаго движенія, опрокинувшаго „законъ противъ соціалистовъ“ и завоевавшаго германскій рейхстагъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія литературный соціализмъ, соціализмъ литераторовъ, пошелъ, правда, на убыль. Большинство недавнихъ „соціалистовъ“ возвращалось подъ сѣнь временно покинутаго буржуазнаго зданія.

Зато на смѣну поэтамъ-соціалистамъ изъ буржуазной интеллигенціи шли теперь поэты рабочіе, подлинныя дѣти пролетаріата. Нѣкоторымъ изъ нихъ удалось занять видное мѣсто даже въ парламентѣ официальной литературы, занять почетное мѣсто среди поэтовъ, о которыхъ „говорятъ“. Къ числу этихъ немногихъ принадлежитъ, напримѣръ, вышедшій изъ рабочей среды поэтъ Крилле, авторъ многихъ пролетарскихъ стихотвореній,

откликнувшійся, между прочимъ, и на нашу первую революцію.

Наряду съ такими поэтами-рабочими, извѣстными публикѣ и даже признанными критикой, въ послѣдніе годы появилось въ Германіи не мало такихъ, которые, продолжая быть пролетаріями, творятъ собственно лишь для себя, не разсчитывая увидѣть свои пѣсни въ печати, и если бы одному интеллигенту-соціалисту не пришла въ голову мысль собрать эти стихотворенія и издать ихъ въ свѣтъ, то они такъ и остались бы навѣки забытыми.

Среди этихъ поэтовъ-рабочихъ, никогда не мечтавшихъ о литературной славѣ, имѣются всѣ профессіи—углекопы и наборщики, ткачи и кузнецы, пекаря и грузчики, кочегары и батраки. Есть и нѣсколько работницъ. Большинство люди не молодые, семейные и многодѣтные, получающіе сравнительно невысокую заработную плату.

Эпиграфомъ (надписью) для всѣхъ этихъ пѣсенъ, созданныхъ самыми подлинными рабочими, могли бы служить слова одного изъ нихъ: „Пусть я въ тискахъ рабскаго труда, злая судьба не сломитъ мой духъ, рвущійся къ свѣту солнца".

Въ этихъ стихахъ, изданныхъ за два года до войны, звучатъ всѣ струны души, звучатъ самые разнообразные мотивы—ничто человѣческое не чуждо пролетарію-поэту

Впрочемъ, одно чувство ему въ самомъ дѣлѣ непонятно и недоступно—воинствующій патріотизмъ буржуазіи. Среди этихъ стихотвореній два касаются войны и оба относятся къ войнѣ отрицательно. Посѣтивъ поле битвы при Гравелотте (гдѣ нѣмцы въ 1870 году одержали побѣду), одинъ изъ этихъ поэтовъ (формовщикъ по своей профессіи) мысленно видитъ, какъ встаютъ изъ земли убитые нѣмецкіе и французскіе солдаты и ихъ безкровныя губы точно говорятъ о безсмыслицѣ братоубійственныхъ битвъ, а другой поэтъ (углекопъ) напоминаетъ буржуазнымъ поэтамъ, пѣвцамъ военной мощи Германіи, что природа создала всѣхъ братьями и что пока будетъ существовать война, люди не создадутъ ничего свѣтло-прекраснаго.

Многія изъ этихъ рабочихъ стихотвореній посвящены любви къ семьѣ, не мало ихъ удѣлено и природѣ. Однако, эти поэты рѣдко ограничиваются простымъ описаніемъ картинъ природы. Царящая въ ней красота и гармонія обычно наводитъ ихъ мысль на несовершенное устройство человѣческаго общества.

Много стихотвореній отведено описанію той обстановки, среди которой протекаетъ трудовая жизнь пролетарія. Встаютъ огромные заводы и фабрики, разверзаютъ свою черную пасть бездонныя шахты. Мирные будни то и дѣло нарушаются стачками. А надъ этими картинами труда и борьбы

носится лучезарная мечта о лучшемъ будущемъ, объ обѣтованной странѣ свободы, равенства и счастья.

Свѣтлымъ огонькомъ вспыхиваетъ она въ стихотвореніи поэта-кузнеца, озаглавленномъ „Наковальня", розовой надеждой золотитъ онѣ грустную пѣсню поэта-батрака, и она же—эта мечта о лучшемъ будущемъ—носится волшебнымъ сновидѣніемъ передъ третьимъ изъ этихъ рабочихъ поэтовъ, когда онъ весенней порою лежитъ на коврѣ изъ моха подъ зелеными сводами лѣса—грезится ему—настанетъ время и разумъ побѣдитъ царящія нынѣ алчность, ненависть и зависть, люди ужъ не будутъ, какъ теперь, въ жадной погонѣ за богатствомъ лишать болѣй слабаго его доли хлѣба и счастья; пытливые умъ разгонитъ мракъ невѣжества и среди многихъ истинъ надъ міромъ возсіяетъ и та—что только борьбой создастъ человѣчеству изъ царящаго кругомъ хаоса—свѣтлый рай земной.

Пусть всѣ эти стихотворенія поэтовъ-рабочихъ, не мечтавшихъ о литературной славѣ, не надѣявшихся увидѣть свои пѣсни въ печати, не представляютъ ничего безсмертнаго, они—замѣчательное явленіе. Пусть ихъ качество не запечатлѣно печатью генія, огромную цѣнность представляетъ—уже самое количество этихъ поэтовъ.

Поэтическое творчество, недавно еще—

удѣлъ немногихъ, удѣлъ отдѣльныхъ талантливыхъ личностей, становится, какъ видно, все болѣе явленіемъ обычнымъ въ пролетарской средѣ, явленіемъ массовымъ.

А потомъ, развѣ не заслуживаетъ живѣйшаго вниманія и слѣдующее обстоятельство. Люди, прошедшіе лишь начальную школу, поставленные въ тяжелыя матеріальныя условія, имѣющіе очень мало свободнаго времени, обремененные къ тому же большой семьей, чувствуютъ тѣмъ не менѣе властную потребность облечь свои чувства и думы въ поэтическую форму.

Развѣ все это не доказываетъ, что рабочій классъ становится все болѣе не только могущественнымъ политическимъ факторомъ, но и *новой культурной* силой, на знаменахъ которой какъ бы написаны вышеупомянутые стихи поэта-пролетарія: „Злая судьба не сломитъ нашъ духъ, рвущійся къ свѣту солнца“.

IV.

Позже другихъ крупныхъ европейскихъ странъ вступила на путь развитія капитализма Италія, и поэтому, естественно, здѣсь позже, чѣмъ въ другихъ странахъ, расцвѣтаетъ соціальная и пролетарская поэзія. По мѣрѣ того, какъ и здѣсь, въ Италіи крѣпло рабочее движеніе, по мѣрѣ того, какъ соціализмъ проникалъ во все болѣе широкіе

слои населенія и, въ частности, интеллигенціи, становились подъ красное знамя все чаще и писатели. Достаточно упомянуть талантливаго де-Амичиса, автора не только многихъ соціалистически окрашенныхъ повѣстей, но и цѣлаго ряда пропагандистскихъ соціалистическихъ брошюръ. Все чаще становились подъ красное знамя и поэты, напримѣръ, Капуана и другіе. Все чаще въ итальянской поэзіи описывается бытъ рабочаго класса и все чаще въ ней звучатъ пролетарски-революціонныя нотки. Достаточно указать на поэму Рачизарди „Углекопы“ или вспомнить, какъ часто воспѣвали въ новѣйшее время итальянскіе поэты—даже очень крупные и по существу буржуазные—первое мая, праздникъ рабочаго Интернаціонала.

Итальянкой является и одна изъ самыхъ крупныхъ представительницъ новѣйшей соціальной поэзіи, имя которой извѣстно далеко за предѣлами ея родины, стихи которой переведены на многіе иностранные языки и въ томъ числѣ на русскій. И эта выдающаяся поэтесса, посвятившая свое вдохновеніе трагическому настоящему и свѣтлому будущему трудящихся классовъ, сама вышла изъ среды этого трудового народа.

Эта поэтесса—Ада Негри.

Отецъ ея—сельскій батракъ, рано умершій отъ злой чахотки, болѣзни бѣдняковъ. Ада Негри почти не знала отца и, когда

уже дѣвушкой посѣтила больницу, гдѣ онъ скончался, въ ея умѣ сложилось стихотвореніе, въ которомъ она оплакивала его преждевременную гибель. Мать Ады Негри была фабричной работницей, и ея мужественно скорбный образъ поэтесса потомъ увѣковѣчила въ стихотвореніи „Мать“.

На фабрикѣ душной, гдѣ въ залѣ просторной
Невнятно рокочетъ машинный колоссъ,
Гдѣ тысяча женщинъ страдаетъ безмолвно
Подъ дикую пѣсню колесъ,—
Пятнадцать ужъ лѣтъ, какъ въ заботахъ о хлѣбѣ
Заводитъ она свой прядильный станокъ.

. . . .

Бываютъ минуты: привычныя руки
Замѣтно слабѣютъ, усталость взяла.

. . . .

А если внезапно недугъ неминучій
Къ постели ее прикуетъ?
Но, нѣтъ, невозможно!.. Хворать несвободно!

Растетъ у работницы ребенокъ—„единая гордость неволи холодной“.

И капля за каплей она для малютки
Послѣднія силы отдастъ.
Когда жъ за машиной въ трудѣ неустанномъ

Наступитъ безсиліе старческихъ лѣтъ,
Отдастъ и мечты о покоѣ желанномъ,
Какъ нѣкогда вешній расцвѣтъ.

Окончивъ начальную школу и сдавъ экзаменъ на учительницу, Ада Негри въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ воспитывала и учила дѣтей крестьянъ и рабочихъ въ небольшомъ мѣстечкѣ въ миланской области (Мотта Висконти). О томъ, съ какой лаской и нѣжностью она относилась къ дѣтворѣ, можно судить по одному изъ ея стихотвореній. По улицѣ бѣгаетъ маленькій оборванецъ. Мать на заводѣ, отецъ въ тюрьмѣ. Что выйдетъ изъ заброшеннаго ребенка—честный-ли рабочій или преступникъ; что лѣтъ черезъ 20 его ожидаетъ: тюрьма, мастерская, больница?

И хочется мнѣ среди улицы, жадно
Прижать тебя къ сердцу съ тоской.
И съ братской любовью промолвить, рыдая:
Я также жила безъ призора, тоскуя,
Какъ дикій цвѣтокъ на болотѣ.
Была въ мастерской моя мать на работѣ.
Мы близки.

Въ захолустной тиши мѣстечка Мотта Висконти молодая народная учительница, естественно, порой мечтала о любви. За кого она выйдетъ замужъ? Что она скажетъ, если ея руки будетъ просить какой-нибудь богатый буржуа. Она его спроситъ:

Томился ль ты въ трудѣ суровомъ,
Долгими ночами отгоняя сонъ?
И какихъ завѣтовъ всемогущимъ словомъ
Твой цвѣтущій полдень свято вдохновленъ?
Ты не отвѣчаешь: такъ ступай обратно
Къ свѣтскому досугу, къ бѣшеннымъ часамъ,
Къ вечерамъ и картамъ, и къ любви развратной.
Я въ обмѣнъ за злато сердце не отдамъ!
Да, когда-бъ извѣдалъ ты рабочей муке!
Но ты не трудился, жертва наслажденій,
Золотыхъ чертоговъ хилый пустоцвѣтъ.
Жалкому потомку жалкихъ поколѣній
Лишь одно презрѣнье будетъ мой отвѣтъ.

Не за богатаго буржуа хотѣла бы она выйти замужъ, а за сына народа, за рабочаго...

Въ тиши заброшеннаго мѣстечка Мотта Висконти молодая народная учительница порой воображала себя и матерью. Какъ она воспитаетъ сына? Она скажетъ ему, что „жизнь есть трудъ" и „въ сердцѣ младенческомъ, чуткомъ изъ правды, добра, изъ всего, что велико и свято накопитъ она сокровище". И выраститъ сынъ борцомъ за освобожденіе рабочаго класса.

И будетъ онъ биться перомъ и примѣромъ
За дальняго счастья грядущіе дни.
И міру укажетъ онъ въ сумракѣ сѣромъ
Зари нарожденной огни.
. . . .
И черныя кудри борца и пророка
Украситъ лавровый вѣнокъ!

Первый сборникъ стихотвореній Ады Негри „Судьба“ обратилъ на нее вниманіе, ее перевели изъ мѣстечка Мотта Висконти въ Миланъ, гдѣ она получила мѣсто преподавательницы въ женской гимназіи. На досугѣ она продолжала писать стихи и вскорѣ издала новый сборникъ „Бури“. Слава ея все болѣе росла и произошло то, чего она, какъ мы видѣли, не хотѣла. Она вышла замужъ за богатаго миланскаго буржуа, и превратилась изъ Ады Негри въ Аду Гарланда. У нея родилась дочь и все, что она испытала и передумала за время первыхъ лѣтъ семейной жизни, облекла она въ стихи, озаглавленные „Материнство“. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ все болѣе разочаровывалась поэтесса въ той новой буржуазной средѣ, которая ее теперь окружала. Властно потянуло ее изъ міра барства, изъ міра праздности и роскоши, назадъ—въ тотъ міръ труда и борьбы, изъ котораго она вышла. Изъ богатой синь-

оры Гарланды ей вновь хотѣлось превратиться въ прежнюю Аду Негри. Это недовольство окружавшей ее буржуазной средой и эта тоска по старой пролетарской жизни отчетливо выступаетъ въ ея послѣднемъ значительномъ сборникѣ стиховъ, озаглавленномъ „Изъ глубинъ души и жизни". Всѣ эти стихотворенія проникнуты мечтой о вольной, трудовой или даже босяцкой жизни. Синьора Гарланда завидуетъ теперь и крестьянкѣ, спокойно идущей своей трудной дорогой, и работницѣ, въ воскресный день отправляющейся танцовать со своимъ милымъ. Съ какою радостью зажила бы она такою жизнью! Готова она завидовать и юному босяку, безпечно шатающемуся по бѣлому свѣту, завсегдатаю ночлежки. Все яснѣе становится ей, что не слиться ей духомъ съ той буржуазной средой, куда ее закинула судьба.

Осталась я въ душѣ цыганкой вольной,
Отъ темной власти предковъ не уйдешь.
И станетъ вдругъ такъ грустно и такъ больно
За эту жизнь, въ которой все есть ложь.

Все чаще передъ внутреннимъ взоромъ синьоры Гарланды вставалъ тотъ міръ труда и борьбы, изъ котораго вышла дочь крестьянина-батрака и фабричной работницы, Ада Негри. И вотъ—по крайней мѣрѣ мысленно—она порываетъ съ богатствомъ и роскошью и

уходитъ къ *своимъ*, туда „внизъ“, куда ее зовутъ голосъ крови и голосъ совѣсти.

Мнѣ стало тоскливо въ роскошныхъ палатахъ,
Гдѣ въ вазахъ хрустальныхъ сверкаютъ цвѣты.
Отрекшись отъ жизни синьоровъ богатыхъ,
Ушла я, куда меня звали мечты,
Накинувъ на шею платокъ темнокрасный
И кофту надѣвъ изъ матерьи простой.
И, вотъ предо мной міръ угрюмый, злосчастный,
Гдѣ высится фабрикъ тѣснящихся строй.
Я слышу: доносится краски и пыли
Мнѣ запахъ знакомый съ ребяческихъ лѣтъ,
И съ грохотомъ ткацкихъ станковъ такъ уныло
Сливается пѣснь—изъ подполья привѣтъ!

И синьора Гарланда мысленно превращается снова въ пролетарку Аду Негри, въ народную учительницу, въ поэтессу народа. Смѣшиваясь мысленно съ рядами рабочихъ и работницъ, кишащихъ по улицамъ фабричнаго квартала, она поетъ имъ, какъ въ былые годы—бодрую и гордую пѣсню о будущемъ, которое принадлежитъ міру труда и борьбы, изъ котораго она сама вышла.

Для жажды нужна вода ключевая,
Для голода—чернаго хлѣба кусокъ,
Но въ жилахъ течетъ нашихъ кровь
огневая,
Потомства здороваго вѣрный залогъ,
И солнца безсмертнаго блескъ средь
раздолья
Надъ нами сверкаетъ милльономъ лучей!
Мы выйдемъ—повѣрьте—изъ мрака под-
полья—
И міръ станетъ тѣсенъ для нашихъ
дѣтей.

Каково же содержаніе пролетарскихъ стихотвореній Ады Негри, дочери народа, поэтессы народа?

Длинной вереницей проходятъ передъ нами дѣти рабочихъ, умирающія отъ чахотки въ больницѣ, безработные, бредущіе нищими по большой дорогѣ, углекопы, погибающіе отъ взрыва въ шахтѣ, матери, изнывающія въ непосильномъ трудѣ, чтобы прокормить семью.

Это не безпечная пѣсня, а плачъ надъ трагической долей пролетаріата.

„Отовсюду—говоритъ поэтесса въ одномъ стихотвореніи—изъ лачугъ, гдѣ обитаетъ рабочій людъ, изъ-подъ мрачныхъ сводовъ фабрикъ, гдѣ грохочутъ стальныя чудовища, съ болотистыхъ рисовыхъ полей, откуда поднимаются ядовитыя испаренія, отовсюду доносится до меня плачъ, неперестающій, заунывный, словно туча, омрачающая солнце“.

Этотъ плачъ и облекла она, дочь крестьянина и работницы, въ стихи. Но Ада Негри не пессимистка. Она не проклинаетъ жизнь, хоть и тяжела она для милліоновъ рабовъ и обездоленныхъ. Въ ея груди бьется сердце трудового народа, которому принадлежитъ будущее.

Вышла изъ народа я—и вотъ,
Всѣ кручины подъ ноги топчу
И зарѣ навстрѣчу я иду.

Ада Негри, напротивъ, горячо любитъ земную жизнь—„лазурное небо, огонь сверкающій, святую землю, которой солнце плодородье даритъ, святую землю—это гигантское горнило, въ которомъ безъ устали кипитъ работа и слышенъ вѣчный гулъ и молотовъ удары“. Она такъ крѣпко любитъ земную жизнь, что хотѣла бы быть „вѣчно юной, на крыльяхъ облетѣть всѣ пространства, испытать всѣ радости и всѣ печали“.—„Тебя же, смерть, я отвергаю!“ Она такъ страстно любитъ земную жизнь, что хотѣла бы быть безсмертной. „Во имя всего, что на землѣ родится, во имя всего, что на землѣ съ надеждою живетъ, во имя всего, что жадно стремится къ идеалу, во имя всего, что борется, хочу, хочу я быть безсмертной“...

Такъ незамѣтно переходитъ поэзія Ады Негри, сначала звучавшая, какъ плачъ надъ страданіями и гибелью милліоновъ труд-

щихся, въ ликующіе аккорды въ честь дивнбй безсмертной жизни, въ честь сіяющаго безсмертнаго солнца.

„Изъ душистаго лѣса иду я въ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ, я, дочь крестьянина, и смѣло пою гимнъ вѣчному солнцу“.

Она, дочь крестьянина и работницы, вѣритъ всей душой, что современное общество рано или поздно уступитъ мѣсто другому, болѣе совершенному и болѣе справедливому, красивому и свѣтлому, какъ сказка, строю соціалистическому. Съ душою, исполненной восторга и благодарности, готова она преклониться передъ всѣми тѣми, кто словомъ и дѣломъ боролись за лучшее будущее человѣчества.

Борцовъ и мучениковъ за великое народное дѣло она воспѣла въ чудесныхъ стихахъ, о которыхъ переводъ можетъ дать лишь приблизительное представленіе. Въ лѣтній вечеръ ей пригрезилось видѣніе. На дальнемъ горизонтѣ, въ красноватой мглѣ точно проносится вереница тѣней. Блѣдны лица и на головѣ терновый вѣнецъ. Кто вы? Откуда?

И слышитъ она въ отвѣтъ.

Мы исполины. Великое пламя
Въ насъ трепетало...
Мы преклонялись предъ мыслью нетлѣнной,
Мысль намъ терновый вѣнецъ подарила.

Въ поискахъ вѣчныхъ за смысломъ
вселенной
Наши побѣды и наши могилы.
Насъ распинали, водили на пытки,
Били камнями, но мы—исполины!

. . . .

Снова мнѣ грезится пышное лѣто,
Медлитъ погаснуть закатъ запоздалый.
Мчится толпа прихотливо одѣта
Свѣта вечерняго дымкою алой,
Лица сіяютъ восторгомъ пророка,
Дышатъ покоемъ нездѣшняго міра,
Ясныя очи раскрыты широко,
Смотрятъ, ликуя, въ пространство эѳира.

И то, за что они боролись, то, за что ихъ распинали и водили на пытки, станетъ рано или поздно дѣйствительностью. Падетъ въ прахъ старый міръ насилія, обмана и крови, и надъ искупленной и возрожденной землей взойдетъ солнце новой жизни.

Тамъ, на горизонтѣ, уже вырисовываются все болѣе проясняющіяся очертанія грядущаго царства освобожденнаго человѣчества. Вырисовываются онѣ отчетливо и въ поэзіи Ады Негри.

„Занимается новый день!“—восклицаетъ она. „Этотъ день не далекъ. Онъ дастъ, наконецъ, человѣческое достоинство тѣмъ, кто понынѣ томился подъ игомъ злой судьбы. Не будетъ больше ни побѣжденныхъ, ни побѣдителей, ни господъ, ни рабовъ“.

То будетъ, прежде всего, желанное царство всеобщаго, немолчнаго и свободнаго труда. Вся вселенная станетъ великой мастерской, гдѣ вольные работники будутъ трудиться не для обогащенія кучки лѣнтяевъ, а для себя и для всѣхъ.

Всюду, куда ни взглянешь—та-же картина.

Надѣленныя тукомъ поля и равнины
Разрыхляющій плугъ обошелъ.
Вьется дымкою паръ, не смолкаютъ
машины,
Накалившись клокочетъ котелъ.
И надъ *царственнымъ шумомъ работы мятежной,*
Кропотливой работы земли,
Распростерла *свобода* въ лазури безбрежной
Бѣлоснѣжныя крылья свои!

То будетъ царство не только свободнаго труда, но и всеобщаго счастья. Переносясь мысленно въ это свѣтлое будущее, поэтесса не можетъ вдоволь налюбоваться здоровымъ видомъ и духовнымъ богатствомъ этихъ счастливыхъ поколѣній. Жизнь стала „вѣчной весной", „майскимъ праздникомъ".

Отовсюду, ликуя, несется дыханье
Новой жизни и счастья, и силъ,
Царство розъ и надеждъ, и любви благородной,

Царство дивныхъ побѣдъ и работъ,
Царство вѣры въ людей, царство мысли
свободной,
Царство гордыхъ порывовъ впередъ.

А вмѣстѣ съ установленіемъ на всей землѣ соціалистическаго царства свободнаго труда, исчезнутъ и позорившія ея свѣтлый ликъ чудовищныя войны ради завоеванія рынковъ, ради прибыли купцовъ.

Вмѣстѣ съ свободнымъ трудомъ на землѣ установится и братство народовъ.

Смолкли пушки. Не смѣютъ безумно и
дико
Раскрывать огнедышащій зѣвъ,
Не гремитъ надъ равниной, средь стона
и крика,
Боевого пэана напѣвъ *).
Но весь міръ—это братство. Святыя
стремленья
Зажигаютъ людскія сердца,
И несется торжественный гимнъ примиренья
Вдоль по міру съ конца до конца.

Такъ завершается поэзія Ады Негри, дочери крестьянина-батрака и фабричной работницы, поэзія, сначала звучавшая, какъ плачъ надъ страданіями и гибелью обездоленныхъ, потомъ незамѣтно перешедшая въ радостный гимнъ

*) Пэанъ—по-древнегречески „боевая пѣсня“.

честь въ жизни и солнца величавой симфоніей на тему о грядущемъ соціалистическомъ царствѣ *свободнаго труда, всеобщаго счастья и международнаго братства.*

V.

Въ послѣдней четверти минувшаго вѣка капитализмъ утвердилъ свой золотой скипетръ и въ Бельгіи. Пустѣли деревни. Началось то „бѣгство съ полей", которое Вандервельде описалъ на основаніи цифръ въ своей извѣстной книгѣ. Множились и росли города. Развивалось рабочее движеніе.

Именно отъ бельгійскихъ рабочихъ исходилъ въ 1880 г. призывъ къ возстановленію Интернаціонала, распавшагося и погибшаго въ семидесятыхъ годахъ. Насыщалась все больше соціальнымъ содержаніемъ и бельгійская литература. Экхоутъ въ своихъ романахъ изображалъ интеллигентовъ, порывающихъ съ правящими классами и уходящихъ или къ крестьянству („Жажда любви"), или къ пролетаріату („Защитникъ бездомныхъ"), или даже къ босякамъ („Изъ міра бывшихъ людей"). Лемонье въ своихъ романахъ развертываетъ картину вырожденія стараго дворянства („Послѣдній баронъ") и буржуазіи („Конецъ буржуа") и рисуетъ на фонѣ рабочей жизни начинающееся въ странѣ соціальное движеніе („Заводъ").

По тому же пути развитія пошла и поэзія. Въ лицѣ Верхарна пролетаріатъ нашелъ своего крупнѣйшаго пѣвца и трибуна. Поэзія Верхарна состоитъ какъ бы изъ трехъ частей, въ своей совокупности воспроизводящихъ главнѣйшіе моменты въ развитіи капитализма.

Въ сборникѣ стихотвореній, озаглавленномъ „Вымираніе деревни", Верхарнъ нарисовалъ потрясающую картину „бѣгства съ полей", вызванную ростомъ городовъ и промышленности.

Поля кончаютъ жизнь подъ тяжкой колесницей,
Которую на нихъ духъ вѣка ополчилъ.
И тянутъ щупальцы столицы за столицей,
Чтобъ высосать изъ нихъ остатокъ прежнихъ силъ!

Крестьяне массами покидаютъ свои насиженныя мѣста и идутъ въ городъ искать себѣ заработокъ. Не слышно полевыхъ пѣсенъ, не вращаются мельничныя колеса, кругомъ все тихо и пусто. Деревня стала—призракомъ.

Въ другомъ сборникѣ стихотвореній, озаглавленномъ „Города--чудовища", Верхарнъ съ большимъ мастерствомъ описываетъ современный большой городъ съ его фабриками, биржей, гаванью, лабораторіями, театрами, магазинами, и его кипучей дѣловой жизнью, съ его роскошью и развратомъ.

Въ цѣломъ рядѣ другихъ стихотвореній Верхарнъ увѣковѣчилъ для потомства фигуры „героевъ нашего времени“, хозяевъ современной жизни и борцовъ за будущее трудовое общество.

Вотъ старый банкиръ, король биржи, некоронованный властитель, въ тиши своего кабинета рѣшающій „судьбы царствъ и участь королей“, какъ паукъ, заткавшій весь городъ паутиной, всасывающей богатства и сбереженія міра. Но не вѣчно его господство. У ногъ его уже зрѣетъ возмущеніе.

Вотъ другой „герой нашего времени“— народный трибунъ, вождь народной революціи.

Ребенкомъ выросъ онъ на темныхъ троттуарахъ
Предмѣстья грязнаго, изъѣденнаго зломъ,
Въ тяжеломъ воздухѣ мертвящаго труда,
Гдѣ каждый день за столъ садилась и нужда.

Вѣковой гнетъ, сдавившій трудящихся, отразился въ его душѣ непримиримой ненавистью къ угнетателямъ и „мысль его живая, вся огневая, вся слитая изъ воли и страстей“, звала рабочихъ на площадяхъ и перекресткахъ къ послѣдней рѣшительной битвѣ.

А вотъ и самъ трудовой народъ. Олицетворенъ онъ въ образѣ сѣдого, молчаливаго и терпѣливаго кузнеца. Изъ года въ годъ

стоитъ онъ у горна въ коронѣ изъ огня и искръ.

Онъ бросилъ въ вѣчное горнило
И вихрь проклятій грозовой,
И гнѣвъ народа вѣковой,
Возстаній огненныя силы
И месть, и ярость, и печаль,
Пока не выйдутъ изъ горнила
Громами кованпая сталь
И молній творческія силы.

Такъ терпѣливо и молча, куетъ кузнецъ великое и свѣтлое будущее. Онъ вѣритъ и знаетъ, что народъ

Въ святомъ безуміи борьбы
Сразитъ гигантскій лобъ судьбы
Во дни кровавыхъ испытаній.
И величавою рукой
Воздвигнетъ свѣтлый міра строй
Изъ пламенѣющихъ мечтаній,
Изъ тьмы и крови пролитой.
И скипетръ духа кротости и свѣта
Блеснетъ зарею вѣчнаго разсвѣта.

И передъ взоромъ старика проносится свѣтлое видѣніе о будущемъ.

Кующій видитъ времена—
О, если бъ тѣ вѣка настали!—
Когда сольются племена
Въ безсмертномъ міровомъ хоралѣ.

И станетъ міръ не міръ волковъ—
Любовь покроетъ звѣздной сѣнью
Покорныхъ свѣтлому ученью.
Издохнутъ Злоба, Гордость Лѣнь,
И рухнутъ банки и соборы,
Дворцы, казармы и конторы,
Когда настанетъ Гнѣва День.
Другъ друга въ чистыя объятья
Обнимутъ радостные братья.
Слова святыя разрѣшатъ
Тысячелѣтнія сомнѣнья
И слабый—словно равный братъ—
Благословитъ судьбы велѣнья!

Послѣдній актъ соціальной драмы современности Верхарнъ изобразилъ въ пьесѣ „Зори..", гдѣ война ради завоеваній благодаря агитаціи народнаго трибуна Эреньана, проповѣдника идеи международнаго мира и братства, переходитъ незамѣтно въ соціальную революцію. Поднимаются крестьяне, поднимаются рабочіе. Отъ всего стараго міра уцѣлѣла только огромная статуя власти, той власти, которая служила орудіемъ порабощенія трудящихся и причиной братоубійственныхъ войнъ. Но уже сочтены дни этой страшной куклы. Грозно наступаетъ на нее толпа съ криками:

— Старая негодница!
— Ужасная кукла!
— Страшное чудовище!

— Долой ее!
— Разбейте, растопчите ее!
— Она позорила насъ!
— Бейте ее, разбейте ее!
Рабочіе съ негодованіемъ кричатъ внизъ:
— Отойдите, она падаетъ!

Среди кликовъ ненависти громадная статуя качается и падаетъ. На площади водворяется тишина.

И надъ толпой, притаившейся въ радостномъ ожиданіи свѣтлаго будущаго, раздается, поднимаясь къ золотому солнцу, голосъ стараго провидца—

— И нынѣ пусть взойдетъ заря!

Умеръ старый міръ насилія, обмана и крови, и ему на смѣну идетъ пролетарскій міръ свободы, равенства и братства.

VI.

Какъ только на историческую сцену выступилъ рабочій классъ Россіи, онъ принесъ съ собою не только лозунгъ борьбы за политическую свободу и за грядущее соціалистическое царство, но и *свои* пролетарскія пѣсни.

Вслѣдъ за первыми великими *борцами* за рабочее дѣло, вслѣдъ за Петромъ Алексѣевымъ, сосланнымъ въ сибирскія тундры, и Степаномъ Халтуринымъ, казненнымъ на эшафотѣ, изъ рядовъ рабочаго класса все чаще стали выходить *поэты-рабочіе*

Въ то самое время, когда въ концѣ семидесятыхъ годовъ возникъ, по мысли Степана Халтурина „Сѣверный союзъ русскихъ рабочихъ", работалъ на фабрикѣ десятилѣтній мальчикъ, которому было суждено стать однимъ изъ первыхъ поэтовъ пролетаріата.

Это былъ *Ф. С. Шкулевъ*.

Онъ родился въ бѣдной крестьянской семьѣ (въ 1868 г.) Отецъ его умеръ за три мѣсяца до его рожденія. Мать занималась поденной работой, главнымъ образомъ стиркой на господъ. Мальчику приходилось помогать матери, таскать ей воду. Мать оказала на него самое благотворное вліяніе, сдѣлала его тѣмъ, кѣмъ онъ потомъ сталъ.

Сынъ впослѣдствіи въ одномъ стихотвореніи отдалъ матери дань любви и благодарности:

Поденщицей-прачкой была моя мать
И мнѣ навсегда говорила:
Будь бодрымъ, со зломъ не дружись,
Не льстись на дворцы и палаты,
За всѣхъ угнетенныхъ, за правду борись,
Будь честнымъ и въ жалкихъ заплатахъ.
Знай, счастье не въ златѣ, не въ шумѣ
похвалъ
Отъ праздной толпы горделивой.
Для счастія нуженъ другой идеалъ —
Быть честнымъ, разумнымъ, правдивымъ.

Мальчикъ пробылъ въ школѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ. Нужда дома была отчаян-

ная. Пришлось десятилѣтняго мальчугана отдать на фабрику. Здѣсь въ душной неволѣ, подъ лязгъ машинъ и протекло его безрадостное дѣтство.

Коверъ луговъ и шумъ дубравы
Въ „ночномъ“ и сказки, и огни.
И смѣхъ, и шутки, и забавы
Я не знавалъ въ былые дни.
Я былъ, какъ птица въ душной клѣткѣ.
Въ чаду фабричныхъ корпусовъ
Со мной такіе-жъ малолѣтки
Тянули дни подъ шумъ основъ.
Не знали мы про свѣточъ знанья,
Красу и прелести весны, —
Тяжелый трудъ, болѣзнь, страданья
Въ удѣлъ намъ были лишь даны.

Въ довершенье всего съ мальчикомъ случилось еще несчастье. Онъ попалъ рукой въ машину и остался калѣкой. Выйдя изъ больницы, онъ былъ отданъ въ овощную лавку, гдѣ и прослужилъ до двадцатитрехлѣтняго возраста. На досугѣ онъ писалъ стихи. Первыя его стихотворенія были напечатаны въ 1890 г. въ сборникѣ „Наша Хата“. Это было время, когда рабочее движеніе у насъ вступало въ новый періодъ, становилось массовымъ, когда рабочій классъ готовился выступить, какъ революціонная сила первостепенной важности. Потомъ его стихи все чаще появлялись въ разныхъ журналахъ, и имя его

стало пользоваться заслуженной извѣстностью. Въ 1911 г. Шкулевъ, между прочимъ, привлекался по 129 статьѣ, какъ редакторъ журнала „Народный Рожокъ".

Пѣсни его родились въ обстановкѣ фабрики, въ атмосферѣ тяжелаго труда.

Когда машины затихали
И шумъ смолкалъ сѣдыхъ паровъ,
Въ моемъ умѣ огни пылали,
Слагалась пѣснь изъ горькихъ словъ.

И поэтому понятно, что пѣсни Шкулева— это прежде всего пѣсни о трудѣ, о трудовомъ народѣ. Напрасно говорятъ, будто исчезли великаны съ лица земли, тѣ великаны, о которыхъ пѣли былины. Они живы и понынѣ.

Загляните въ чисто поле.
Кто на нивѣ за сохой
День безъ устали шагаетъ
Разрыхленной бороздой?
Кто, какъ перышкомъ, махаетъ
На лугу стальной косой?
Кто съ „дубинушкой" по Волгѣ
Тянетъ баржу бичевой?
Кто тяжелою кувалдой
И чугунъ, и сталь дробитъ?
Кто изъ нѣдръ земли холодной,
Точно пухъ, извлекъ гранитъ?
Кто желѣзныя дороги
Намъ провелъ до дальныхъ странъ?

Это нашъ родной, могучій,
Трудолюбецъ—великанъ!

Всю жизнь Шкулевъ мечталъ пропѣть такую пѣсню, которая навела бы „страхъ на враговъ“ и прозвучала бы „отрадой для угнетенныхъ“, такую пѣсню, отъ которой „распались бы тюрьмы и дрогнули палаты“, такую пѣсню, отъ звуковъ которой „въ цвѣты нарядились бы степи“. Если бы ему удалось сложить эту пѣсню, онъ легъ бы съ спокойной совѣстью въ могилу: онъ выполнилъ бы свой долгъ передъ страной („Желанная пѣсня“).

Такую пѣсню Шкулевъ едва ли сложилъ. Для этого у него не хватило силы; да и мѣшали внѣшнія условія... Но среди его стихотвореній есть одно, приближающееся къ этой мысли и къ этой цѣли. Это его „Гимнъ труду“, въ своемъ родѣ „марсельеза“ трудового народа, рабочая марсельеза. Въ этой пѣснѣ слышится и любовь къ труду, строителю жизни, и призывъ къ объединенію всѣхъ трудящихся во имя борьбы за его освобожденіе отъ всѣхъ цѣпей, и презрѣніе къ паразитическимъ классамъ общества и вѣра въ свои силы, въ свое великое и свѣтлое будущее.

Не страшны намъ бури и злая нужда.
Мы сильныя дѣти святого труда.
Пусть бѣды надъ нами, какъ тучи плывутъ,

Мы любимъ душою не праздность, а
трудъ.
Сплотимся, собратья, и дружной семьей
Оковы разрушимъ судьбы роковой.
Гасителямъ свѣта мы бросимъ укоръ
И властному злату дадимъ мы отпоръ.
А трутнямъ-невѣждамъ, что праздно живутъ,
Мы съ гордостью скажемъ, что въ мірѣ
есть трудъ.

Только трудомъ
Всѣ мы живемъ.
Трудъ нашъ отецъ—
Счастья кузнецъ.
Съ нимъ мы порвемъ,
Съ нимъ разобьемъ
Цѣпи и гнетъ.
Смѣло впередъ!

Шкулевъ былъ далеко не единственнымъ поэтомъ-рабочимъ, поэтомъ рабочихъ.

Въ 1892 году появился въ свѣтъ сборникъ „Метеоръ". Здѣсь были напечатаны первые стихи *Е. Е. Нечаева.*

Нечаевъ родился въ 1859 году. Отецъ его былъ рабочій—хрустальщикъ. Дѣтство поэта протекло также безъ радости, какъ дѣтство Шкулева. Въ стихотвореніи „Моя пѣсня" онъ съ печалью вспоминаетъ о дѣтскихъ годахъ, кромѣ лишеній ничего ему не давшихъ.

Подъ звонъ желѣза и стекла,
Подъ крышей шумнаго завода,
Среди бездомнаго народа
Моя жизнь горькая текла.
Безъ алыхъ зоръ и ясныхъ дней,
Полна лишеній и скорбей!
Я дѣтства милаго не зналъ,
Не зналъ и юности безпечной,
И вмѣсто радости сердечной,—
Недоѣдалъ, недосыпалъ.
Полураздѣтый мерзъ зимой
И задыхался въ лѣтній зной.

Когда ему минуло десять лѣтъ, его отдали „по его слезной просьбѣ“ учиться—какъ онъ разсказываетъ въ своей автобіографіи—„къ очень доброй нѣмкѣ за плату 50 копѣекъ въ мѣсяцъ“, но и такіе скромные расходы на его образованіе оказались родителямъ вскорѣ непосильнымъ бременемъ. Мальчика послали на тотъ стеклянный заводъ—„гуту“, гдѣ работалъ и его отецъ. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній поэтъ вспоминаетъ объ этой первой ночи когда его изъ „нѣжнаго и робкаго мальченка превратили въ заправскаго работника“.

Съ полночи въ гуту меня принесли.
Форму держать посадили,
Соннаго хлѣбомъ кормили.
Въ эту же ночь и стекломъ обожгли.
Такъ-то рабочая жизнь началась,

Кончилась дѣтская воля,—
Глянула въ очи неволя,
Жадной гадюкой вокругъ обвилась.
Шага злодѣйка не дѣлала прочь,
Мучитъ и жалитъ, и нечѣмъ помочь.

О томъ, какъ мальчикъ страдалъ въ этой злой „неволѣ“, лучше всего свидѣтельствуютъ его собственныя слова: „восемнадцати и двадцатичасовая работа въ сутки, адская жара, ядовитая пыль, безчеловѣчные побои, скудное питаніе и тому подобное скоро мою жизнь превратили въ невыносимую муку, отъ которой нѣсколько разъ собирался лишить себя жизни“.

Но жажда жизни оказалась сильнѣе, а къ жаждѣ жизни вскорѣ прибавилась еще и жажда знанія. „Мнѣ захотѣлось во что бы то ни стало читать и читать, но читать было совершенно нечего. Изъ всего завода не болѣе десяти рабочихъ умѣли сносно читать, и благодаря условіямъ труда было всѣмъ не до чтенія“. На заводѣ время отъ времени появлялся коробейникъ съ книжками: „Живой мертвецъ“, „Еруcланъ Лазаревичъ“ и т. п. Одна изъ этихъ книжекъ „Атаманъ Медвѣжья лапа“ потрясла молодого человѣка. „Я самъ разгорѣлся желаніемъ сдѣлаться героемъ разсказа, чтобы всѣмъ отомстить за свои кровавыя обиды и оскорбленія, которыя я вынесъ и терпѣлъ до сихъ поръ“. Въ немъ

заговорило чувство поэта, а когда онъ познакомился съ стихотвореніями Сурикова, онъ рѣшилъ и самъ „попробовать вылить свои думы въ пѣсняхъ“. Въ 1885 г. онъ познакомился съ однимъ журналистомъ, принявшимъ въ немъ самое горячее участіе. Въ 1892 году появились въ „Метеорѣ“ его первые стихи, а потомъ онъ все чаще печатался въ разныхъ журналахъ. Въ 1914 году онъ издалъ свои стихотворенія подъ заглавіемъ „Вечернія пѣсни“.

Въ пѣсняхъ поэта-хрустальщика отразилось въ простой безхитростной формѣ тяжелое положеніе, въ которомъ находился въ восьмидесятыхъ годахъ рабочій классъ Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ и тотъ нароставшій духъ протеста, который потомъ такъ ярко сказался въ пролетарскомъ движеніи девяностыхъ годовъ.

Въ одномъ изъ стихотвореній („Безработный“) Нечаевъ нарисовалъ прекрасный портретъ рабочаго этой эпохи, уже осмыслившаго свое классовое положеніе и отъ терпѣнія перешедшаго къ протесту.

Дитя фабричной голытьбы
По вечерамъ, закрывши глазки,
Не слушалъ я забавной сказки.
. . . .
Я съ дѣтства подъяремнымъ сталъ.
. . . .

И долго я не понималъ,
Гдѣ нужно ползать, гдѣ хитрить,
Что ненавидѣть, что любить,
Подъ вихремъ тягостныхъ скорбей,
Обвѣявъ вихрями невзгоды,
Я жаждалъ свѣта и свободы
Для всѣхъ униженныхъ людей,
Чтобъ сквозь завѣсу мрачныхъ тучъ
И намъ сіялъ отрады лучъ.
Богатыхъ грубый произволъ,
Передъ начальствомъ униженье,
Трудъ непосильный и лишенье.
Ужели мало этихъ золъ,
Чтобъ не понять и не рѣшить:
Такъ невозможно больше жить!

Возмущенный царящимъ кругомъ гнетомъ и неправдой, рабочій, герой стихотворенья „Безработный“ высказалъ передъ богачемъ все то, что у него было на душѣ и былъ, разумѣется, тутъ же уволенъ.

Но я съ повинной не пойду,
Холопски кланяться не стану
Ни силѣ дикой, ни карману.

„Дитя фабричной голытьбы“, Нечаевъ видѣлъ въ поэзіи не средство убѣгать отъ жизни съ ея зломъ и борьбой, а средство облегчить трудящемуся люду его тернистый путь къ свободѣ и счастью. Кѣмъ и чѣмъ долженъ быть поэтъ, онъ разсказалъ въ стихотвореніи „Свирѣль“. Умирая, дѣдушка

Савелій завѣщалъ внучку „самодѣльную свирѣль“.

Пригодится, другъ, тебѣ,
Въ горѣ радостью послужитъ,
Духомъ мужества—въ борьбѣ!

Мальчикъ выросъ, испыталъ все горе рабочаго удѣла, приходилъ въ ужасъ и отчаяніе, вспомнилъ о дѣдовомъ подаркѣ, научился играть и пѣть, и вотъ—

Одаренный вдохновеньемъ
И горячею душой,
Былъ онъ принятымъ повсюду,
Какъ желанный и родной.
Удрученъ-ли кто печалью,
Безысходною нуждой,—
Исцѣлить умѣлъ онъ душу
Пѣсней вольной и живой.

Память объ этихъ его пѣсняхъ не исчезла съ лица земли.

И донынѣ эти пѣсни
Сохранилъ еще народъ,
Что приносятъ утѣшенье
Въ дни тревоги и невзгодъ.

Не будутъ забыты и „Вечернія пѣсни“, сложенныя Нечаевымъ послѣ тяжелаго труда на хрустальномъ заводѣ.

Въ горѣ радостью послужатъ,
Духомъ мужества—въ борьбѣ.

Среди поэтовъ-рабочихъ, выдвинувшихся въ девяностыхъ годахъ, видное лицо занимаетъ и М. Савинъ. Въ противоположность Шкулеву и Нечаеву, онъ — сынъ крестьянина Калужской губерніи—духовно еще связанъ съ деревней. Крестьянинъ—пахарь въ его глазахъ самый счастливый труженикъ, и нѣтъ другой доли, завиднѣе его. „Пѣсня пахаря" Савина—едва ли уступающая извѣстному стихотворенію Кольцова,—настоящій апофеозъ мужицкаго труда.

Шагай, шагай, мой конь коурый,
И плугъ мой не тупись!
Кругомъ шуршитъ бурьянъ понурый,
Сіяетъ неба высь!

. . . .

Мы птицы вольныя съ тобою
Съ зари и до зари.
И—хоть подъ кровлею простою—
Довольны, какъ цари!

Отецъ поэта работалъ пекаремъ въ Москвѣ, и въ Москву рано перебрался и его сынъ. Оторванный отъ деревни, юноша мысленно уносится туда, гдѣ провелъ свое дѣтство, и грустное чувство охватывало его при мысли, что его пашня заброшена и забыта.

Все также весело надъ ней
Сіяютъ небеса.
Ея подруги въ красотѣ

Вокругъ ея цвѣтутъ.
Одна она лишь сиротой
Печальная стоитъ
И рожью спѣлой, золотой,
Какъ раньше, не шумитъ.
Поросъ на ней бурьянъ сѣдой,
Да спутался ковыль
И воя вѣтеръ полевой
Столбомъ взвиваетъ пыль.

Несмотря на эту горячую любовь къ крестьянскому житью и крестьянскому труду, Савинъ—поэтъ города, поэтъ его рѣзкихъ противоположностей, гдѣ рядомъ съ богатствомъ—нищета (напр. стихотвореніе „Похороны") и въ его стихахъ то и дѣло мелькаютъ образы, характерные для городского быта тутъ и „швея", работающая въ подвалѣ до изнеможенія, чтобы прокормить семью, и „мастеровой", опустившійся и спившійся въ обстановкѣ каторжнаго труда, и „падшая" „въ платьѣ полинялом съ видомъ безобразнымъ", „табакомъ и водкой вѣетъ отъ лица".

Крестьянинъ по своей любви къ деревнѣ, Савинъ однако назвалъ свои стихотворенія „пѣснями рабочаго". Первыя изъ нихъ были напечатаны въ серединѣ девяностыхъ годовъ, а отдѣльной книгой они появились въ 1902 году, когда у насъ началась волна стачекъ, предвѣщавшихъ нашу первую революцію. Одно изъ его стихотвореній обвѣяно тѣмъ

чувствомъ молодецкой удали, тою безшабашною беззаботностью, которые отличали русскаго рабочаго на зарѣ его исторической жизни и которые потомъ переродились въ сознательную революціонность пролетаріата.

Не запнемся, не устанемъ,
Шапка на бекрень!
А коль пѣсни эти грянемъ,
Улыбнется день!
Что добыто, все пропито,
Не кладемъ подъ спудъ,
Было бъ весело да сыто,
Намъ весь міръ—пріютъ!
Что намъ замки и палаты?
Счастье въ шалашѣ!
На плечахъ—однѣ заплаты,
Радость на душѣ!
Эй, нужда, долой съ дороги!
Съ вѣрой, да съ трудомъ
Безъ боязни, безъ тревоги
Мы впередъ пойдемъ.

Стихотворенія Савина дышатъ теплой любовью ко всѣмъ явленіямъ міра. Во всѣхъ созданіяхъ и твореніяхъ поэтъ видѣлъ своихъ братьевъ. Лошадь („Савраска") и птичка („Птичка") ему также близки, какъ и человѣкъ. Сколько нѣжности, напримѣръ, въ слѣдующемъ стихотвореніи.

Бѣдняжка сѣрый воробей,
Мнѣ жаль, ты зябнешь крошка!

Въ избѣ же такъ тепло моей—
Влети ко мнѣ въ окошко.
Повѣрь, не встрѣтишь ты вражды!
Насыплю зеренъ крошекъ...
И сколько хочешь здѣсь гости...

А если же животныя существа близки поэту, то тѣмъ болѣе люди—всѣ безъ исключенія. Ему такъ хотѣлось бы объединить въ одну семью всѣ народы, населяющіе вселенную. Савинъ, конечно, никогда не слыхалъ объ Интернаціоналѣ, о великомъ движеніи международнаго пролетаріата къ международному миру и международному братству, но этой идеѣ онъ посвятилъ одно изъ своихъ лучшихъ стихотвореній, цѣнное въ особенности въ наши дни, дни братоубійственной бойни, стихотвореніе, озаглавленное „Да будетъ миръ“.

Взгляните, какъ сіяетъ день,
Какъ пышенъ лугъ, блестятъ заливы,
Какъ тихи хаты деревень,
Какъ зеленъ лѣсъ, цвѣтущи нивы!
. . . .
Взгляните, какъ стоитъ опять
Красиво городъ весь устроенъ,
Зачѣмъ же будемъ мы стирать
Его дворцы стопами воинъ?..
На что нужна намъ брата кровь?
Богатствъ своихъ на всѣхъ намъ хватитъ.
Пусть лучше дружба и любовь

Сердца народовъ всѣхъ охватитъ.
Китаецъ, нѣмецъ, галлъ [1]) и россъ—
И всѣ сойдемся мы, какъ братья.

. . . .

Пусть въ насъ проснется человѣкъ

. . . .

Давно горитъ вдали заря.
Да будетъ миръ, изчезнутъ битвы,
Отвергнемъ копья и мечи
Мы люди, но не палачи!

Такъ вплелъ въ международный хоръ рабочихъ голосовъ, зовущихъ человѣчество сплотиться въ международное братство, свой голосъ и сынъ калужскаго крестьянина, авторъ „Пѣсенъ рабочаго".

Зачѣмъ заставимъ мы страдать
Жену о мужѣ, мать о сынѣ,
Когда онъ кровью истекать
Назначенъ будетъ на чужбинѣ?

. . . .

Смиримъ враждебныя сердца!
Возлюбимъ ближняго, какъ брата!
Сломаемъ копья и мечи
Мы люди, но не палачи!

VII.

Среди поэтовъ-рабочихъ одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ русскій еврей М. Розенфельдъ.

---

[1]) Галлъ—французъ.

Онъ родился въ Сувалкской губерніи въ 1862 году и покинулъ родину въ 80-хъ годахъ, когда царизмъ въ борьбѣ съ зарождавшейся революціей началъ свою погромную дѣятельность. Скитаясь по всѣмъ странамъ свѣта, живя то въ Голландіи, то въ Парижѣ то въ Лондонѣ, то въ Нью-Йоркѣ, Розенфельдъ снискивалъ себѣ пропитаніе и какъ ювелиръ, и какъ портной, и какъ журналистъ. Его пѣсни вскорѣ обратили на себя вниманіе и были переведены на всѣ европейскіе языки. Онѣ распадаются на стихотворенія „національныя" и „соціальныя". Въ первыхъ онъ говоритъ о тяжелой долѣ родного народа, народа-странника, который блуждаетъ по землѣ безъ пріюта и цѣли, „ночью тутъ, а завтра тамъ"— „вѣчно горе, горе, вѣчно стоновъ море". Въ одномъ изъ этихъ стихотвореній онъ повѣствуетъ, какъ павшій подъ Плевной еврей-солдатъ выходитъ изъ могилы, созываетъ русскихъ товарищей, павшихъ, какъ онъ, въ бою, и спрашиваетъ ихъ, честно ли исполнилъ онъ свой долгъ передъ родиной? Отвѣтивъ утвердительно, тѣни убитыхъ изчезаютъ. На равнинѣ остается онъ одинъ и подъ свѣтающимъ небомъ разносится его печальный укоръ: „Отчизна-мать! за честь твою я палъ въ расцвѣтѣ силъ. За что же гонишь ты несчастный мой народъ?"

„Соціальныя" стихотворенія Розенфельда изображаютъ подневольное положеніе рабо-

аго класса. Въ началѣ грустная и подавленая, его пѣсня о трудѣ завершается грознымъ роклятіемъ по адресу угнетателей огненнымъ пророчествомъ“ о грядущемъ „народномъ удѣ“.

Самъ испытавъ на своихъ плечахъ весь жасъ рабской доли, поэтъ нашелъ для ея писанія искреннія и яркія слова.

Капитализмъ прежде всего превращаетъ абочаго въ безличное, почти механическое ущество, лишаетъ его чрезмѣрнымъ трудомъ пособности бороться за лучшую долю.

Вертятся и дико грохочутъ машины,
И слушая вой ихъ, я скорбно притихъ.
Исчезъ я безслѣдно средь страшной пучины.
Я—тоже машина средь массы другихъ.
Мертвы мои чувства, мертвы всѣ мышленья.
Все то, что любилъ я, чѣмъ вѣчно я жилъ,
Святыя надежды, мечты и стремленья,
Все лучшее трудъ мой во мнѣ подавилъ.
Колеса мелькаютъ въ безумномъ движеньи
И мозгъ мой туманятъ и давятъ они,
И чудится мнѣ, чьи-то страшныя очи
Пытливо и зорко за мною слѣдятъ
И вѣчно твердятъ мнѣ съ утра до полночи:
„Ты тоже машина, не болѣе: братъ“.

И только, когда наступаетъ обѣденный часъ, когда уходитъ мастеръ, когда смолкаетъ адскій грохотъ колесъ, недавній рабъ снова на мгновеніе сознаетъ себя человѣкомъ; и въ душѣ вмѣстѣ съ ненавистью къ поработителямъ наростаетъ жажда воли святой.

Но чу! вотъ свистокъ, вотъ и мастеръ... и снова
Рабы, стукъ машинъ, чей-то крикъ, бѣготня.
Я въ хаосѣ снова... Ни звука... Ни слова...
Я снова машина... машина лишь я *).

Капитализмъ не только стремится превратить рабочаго въ механическое существо, лишенное мысли и воли, но и отрываетъ его отъ семьи, отнимаетъ семью отъ него. Съ утра до поздняго вечера проработалъ поэтъ—пролетарій въ душной портновской мастерской. Наконецъ, онъ вырвался на свободу, идетъ домой.

Мнѣ тяжело. Жена,
Мой блѣдный другъ, разскажетъ мнѣ,
Какъ сынъ игралъ до сна,
Что онъ сказалъ, какъ онъ спросилъ:
„Гдѣ папа? Онъ придетъ?
Когда же, мамочка, скажи!
И деньги принесетъ.

---

*) Переводъ М. Гальперина.

И вотъ усталый отъ работы, съ разбитымъ здоровьемъ, стоитъ рабочій у кроватки мальчика.

Чу! Губки дрогнули во снѣ.
Мой папа? Гдѣ же онъ?
И я стою, я весь разбитъ.
Дитя! Измученъ я...
Когда-нибудь проснешься ты,
Но не найдешь меня *).

Кругомъ ликуютъ богачи, смѣются тунеядцы, цвѣтетъ природа, красуются произведенія искусства—жизнь—праздникъ радости и счастья—лишь онъ одинъ обреченъ на рабство и голодъ. А если такъ, если сильные угнетаютъ слабыхъ, то неужели поэтъ—пролетарій будетъ лишь со стороны пассивно смотрѣть на царящую кругомъ несправедливость: нѣтъ ужъ лучше броситься въ битву, какъ левъ, и погибнуть, какъ герой.

И если отъ пули паду я шальной,
Въ отвѣтъ ей мой смѣхъ дамъ кровавый.

Но не вѣчно будетъ торжество угнетателей. И поэтъ—пролетарій пишетъ свое гнѣвное „Пророчество". Падетъ во прахъ златой телецъ, которому поклонялись сильные и праздные.

---

*) Переводъ Файнштега.

Отъ запада и до востока, съ юга на сѣверъ пронесется огненный смерчъ. Не будетъ такого угла, такой норы, куда бы они смогли спрятаться.

Какъ день мимолетный,
Какъ дымъ и какъ тѣнь вы пройдете.

И освобожденные рабы перестроютъ старый міръ насилія и обмана на началахъ свободы, равенства и братства.

VIII.

Когда наша первая революція была подавлена, надъ ея трупомъ началась безстыдная пляска реакціи. Наступила мрачная и гнилая пора. Все живое было стерто или попряталось. Жизнь стала торжищемъ лжи и измѣны, дряблости и трусости.

Въ эти мрачные годы рабочій классъ въ лицѣ его лучшихъ представителей былъ все же проникнутъ бодрой вѣрой. Все чаще стали выступать поэты-рабочіе и въ ихъ пѣсняхъ теплился многообѣщающій огонекъ. Нѣкоторые изъ этихъ рабочихъ стихотвореній были изданы М. Горькимъ и несмотря на то, что авторы вслѣдствіе цензурнаго гнета не могли высказаться свободно, въ этихъ пѣсняхъ не трудно уловить мелодію грядущей новой революціи.

Эти рабочіе—поэты уже успѣли порвать съ матерью-землей. Изъ царства необъятныхъ нивъ они прошли въ городъ.—

Въ сады желѣза и гранита,
Въ аллеи каменныхъ домовъ.

И здѣсь, превращаясь изъ крестьянъ въ горожанъ, они мѣняли на „камень жесткій“ „шелка баюкающихъ травъ“, забывали деревню, и стали имъ

Какъ сонъ далекій,
Былые дни среди полей!

Вмѣсто пѣсни соловья они здѣсь слышали лишь „колдунью-фабрики сирену“ и изъ хозяевъ плуга и сохи они превращались въ рабовъ машины. Но та же машина, которая ихъ подчиняла себѣ, дѣлала ихъ сознательными, и между тѣмъ, какъ надъ ними мѣрно бились ремни, имъ

Напѣвали любовно колеса
Про грядущіе новые дни...

Пусть они рабы машины, но не отъ нихъ ли зависитъ остановить на землѣ всю работу, отъ нихъ, которымъ „шкивы и приводы покорны“.

Взмахъ руки или натискъ плеча—
И погасли вагранки и горны,
Какъ отъ буйнаго вѣтра свѣча!

Отнявъ у нихъ поля и нивы, городъ далъ имъ зато—знанія. Придетъ недавній рабъ машины домой, въ свою каморку, возьметъ въ руки книгу, не безпокоитъ его смѣхъ и плачъ ребятишекъ за стѣной и весь очарованный читаетъ онъ о судьбахъ рабочихъ міра

Съ ихъ борьбой и старыми вождями
Что ведутъ рабочихъ къ свѣтлой волѣ.

Или весной—онъ пойдетъ за городскую черту, гдѣ назначенъ нелегальный митингъ. Поставленъ дозоръ. Раздается рѣчь товарища-агитатора. Огнемъ блестятъ глаза слушателей. Хотѣлось бы безъ конца слушать рѣчь, чтобы принести о ней память

Борцамъ-друзьямъ грядущихъ встрѣчъ.

И мысли, посѣянныя знаніемъ, не заглохнутъ. Изъ нихъ родится—великое единеніе. Разрозненныя единицы сольются въ одну мощную рать.

И будемъ нѣкогда: желѣзные ряды
Сомкнутся мощно и сурово.
И скажутъ: „мы хотимъ“—и крикнутъ: „нашъ чередъ“
И жизнью облечется слово.

Въ гнилую пору реакціи эти поэты-рабочіе говорили всѣмъ малодушнымъ и извѣ-

рившимся, что жизнь не можетъ замереть, что поднимется новая волна, что уже видна полоса зари.—

Развѣ на таетъ тьма сумерокъ блѣд-
ныхъ?
Развѣ огнемъ не объятъ небосводъ?

Только ихъ пѣсни звучали въ это мрачное время увѣренно и свободно, призывали къ борьбѣ съ старымъ строемъ. Грустныя прежде струны они настроили бодрой рукой и вотъ

Громко поютъ они въ жгучей надеждѣ
Пѣньемъ нарушить мертвящій покой.

Всѣмъ малодушнымъ и извѣрившимся эти рабочіе-поэты говорили:

Будьте смѣлѣе! Отбросьте сомнѣніе.
Страхамъ нѣтъ мѣста при свѣтѣ зар-
ницъ!

Такъ предвидѣли они въ годы унынія и распада грядущую новую революцію, нынѣ ставшую фактомъ.

Себя самихъ они считали только предвѣстниками. Твердо вѣря въ свой классъ, самимъ ходомъ исторіи призванный свергнуть иго царизма, они въ то же время вѣрили, что изъ ихъ рядовъ со временемъ выйдетъ первоклассный поэтъ, великій поэтъ пролетаріата, учитель и вождь рабочаго класса.

Они сами только—„первой радости дыханье“, только „первой зелени расцвѣтъ“.
А потомъ—

Придетъ пора, порывъ созрѣетъ,
Заблещетъ солнцемъ наша цѣль,
Поэта мощнаго взлелѣетъ
Рабочихъ пѣсенъ колыбель,
И онъ придетъ, какъ вождь народный
Какъ бури радостный раскатъ...

Въ его сильномъ и страстномъ голосѣ будетъ тогда слышаться и ихъ болѣе слабый и не увѣренный, но не безплодно раздававшійся голосъ—

И въ пѣснѣ пламенной, свободной.
И наши пѣсни прозвучатъ.